

II. ИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН

§ 2. Именная и глагольная флексии

Изменяемость слов в алтайских языках существует двух видов: основообразование и словоизменение (флексия)¹⁰.

Словоизменение, о котором здесь в первую очередь идет речь, делится на изменение имен и изменение глаголов. Изменение глаголов явление существенно более важное, так как в нем ярче выявляются характерные черты языка, однако мы рассмотрим сначала все же вопросы изменения имен, или склонение.

§ 3. Склонение

Рассматривая склонение, следует отметить, что имена в собственном смысле обнаруживают вполне нормализованное, пользующееся лишь живыми окончаниями, склонение. Имена же числительные и особенно местоимения, наоборот, имеют во всех этих языках множество форм склонения и другого рода образований, которые в регулярной парадигме склонения не встречаются вовсе либо встречаются только в виде исключения. „Омертвевшие“ окончания встречаются здесь особенно часто. Как и в индоевропейском языкознании, мы здесь можем говорить об именной флексии и о местоименной флексии.

§ 4. Склонение имен

В алтайских языках существительные, прилагательные и наречия не могут различаться между собой как особые классы слов, ибо одно и то же имя может в большинстве случаев выполнять функции как существительного, так и прилагательного, а если оно относится непосредственно к глаголу, то и наречия. Имя, выступающее в отношении другого имени как определение, является прилагательным¹¹ или, что фактически обозначает одно и то же, является первой частью атрибутивной конструкции.

При изменении словосочетания с именным значением склоняется только последнее слово, например: монг. *jeke mö᠋ᠷgün* „большие деньги, много денег“, *jeke mö᠋ᠷgütü* „с большими деньгами, имеющий много денег“; тюркск. *isig* „теплый“, *isig jārda* „в теплом краю“; кор. *teun* „теплый“, *teun parae* „в теплом краю“.

(пара „край, страна“). Только в тунгусских диалектах имеет место согласование между именем, используемым в качестве прилагательного, и именем, выполняющим функцию существительного. Это явление, видимо, более позднего происхождения; в мапчжурских языках оно не встречается, например: *hukčile turle* „в теплом краю“ (ламутский язык). Определение остается неизменяемым и тогда, когда следующее за ним существительное имеет окончание множественного числа. Исключение представляет только древнемонгольский язык, где прилагательное выступает иногда во множественном числе, в том случае, когда оно относится к существительному, употребленному также во множественном числе¹².

§ 5. Падежные образования

Падежные образования, по их значению и использованию, можно делить на адвербиальные и адноминальные. Адноминальным, т. е. относящимся к следующему за ним имени, является в этих языках, помимо именительного падежа, только родительный. Все остальные падежные образования синтаксически связаны с последующим глаголом¹³. К глаголу могут относиться также и имена, не имеющие окончаний, это значит, что именительный падеж может использоваться также в качестве наречия, например: монг. *jeke bajar* „большая радость“, *jeke bajartu* „с большой радостью, очень радостно“, *bajarlaqu* „радоваться“, *jeke bajarlaqu* „очень радоваться“; таким образом, *jeke* „большой, величина, великий, очень“, *jeke iŋi* „его величина“, *jeke-s* „большие, великие“ (существительные); точно так же в тюркских. Поскольку именительный падеж мог так многосторонне использоваться и, кроме того, глаголы с помощью вспомогательных глаголов имели возможность давать очень точное описание действия, потребность в падежных образованиях вначале была невелика или, во всяком случае, была меньшей, чем в индоевропейских и финно-угорских языках.

§ 6. Именительный падеж

Именительный падеж во всех языках алтайской семьи является основной формой имени и не имеет окончания*.

Именительный падеж, собственно, совершенно тождественен основе имени. В монгольском и корейском языках, где определенные согласные не могут стоять в исходе слова, именительный падеж несколько отличается от основы (см. законы о согласных

в конце слова), например: монг. им. п. *bičik* „письмо“, род. п. *bičig-ŋi* „письма“, мн. ч. им. п. *bičig-üt* „письма“; кор. *ket* „предмет“ (основа: *kes*), *kkot* „цветок“ (основа: *kkoč*), *hik*, *hik* „песок, земля“ (основа: *hiŋg*). В частности, в корейском языке правила о согласных в исходе слова привели к значительному смягчению в именительном падеже. С течением времени от такой формы именительного падежа получалась новая основа; в результате склонение некоторых слов обнаруживает двойную форму, например: кор. *pat* „пашня, поле“ (основа: *path*), дат. п. *pathe* „в поле“ (старая форма), *rade* (образованная от именительного падежа), *patče* (образована по аналогии с *kkot*: дат. п. *kkotče*).

Подобное же явление мы встречаем в монгольском языке, где слова, имевшие в исходе -п, в именительном падеже утратили этот звук, вероятно, в силу назализации гласного, тогда как -п в ишлауте сохранился, например: им. п. *paŋa* „солнце“, род. п. *paŋa-i* „солнца“, *saŋa* „луна“, *saŋa-jiŋ* „луны“; на более поздней стадии развития языка им. п. *paŋa*, *saŋa* или *paŋa*, *saŋa*, род. п. *paŋiŋ*, *saŋiŋ* или *paŋiŋi*, *saŋiŋi*, соответственно *paŋiŋa*, *saŋiŋa*. Вследствие этого в монгольском склонении иногда между исконной основой и падежным окончанием возникает -п-, который является в некотором роде соединительным вставочным согласным¹⁴. В тюркских языках -п также, первоначально относившийся к основе, ныне отошел к окончанию¹⁵. Сюда же можно причислить и то, что основа многих местоимений имеет в исходе -п и что этот -п уже на очень раннем этапе в именительном падеже утратился, например: монг. *bi* „я“, род. п. *miŋi* „меня“¹⁷; *ba* „мы“, род. п. *paŋi* „нас“; тюркск. им. п. *bu* „этот“, род. п. *miŋiŋ*; тунг. *si* „ты“, дат. п. *sin-du* „тебе“, *sin-gi* „твой“ (прилагательное); монг. *baŋa*, тюркск. *baŋ* „богатый“, род. п. монг. *baŋa-i*, н.-монг. *baŋiŋi*, *baŋiŋa*, тюркск. *baŋ-uŋ* (тур.), *baŋ-puŋ* (зап.-тюркск.) „богатого“; монг. *saŋa* „здоровый, хороший“, тюркск. *saŋ* „здоровый“, *saŋ* (зап.-тюркск.), род. п. монг. *saŋiŋi*, *saŋiŋa*, тюркск. *saŋ-uŋ* (тур.), *saŋ-puŋ* (зап.-тюркск.) „здорового“.

§ 7. Родительный падеж

Атрибутивные отношения изначально выражались, должно быть, как путем особого падежного образования, так и посредством синтаксического соположения имен.

А. Образование падежа. Первоначально окончанием служил -п, перед которым, при основе на согласный, слышался соединительный гласный¹⁸.

1. *Тюркский*. В др.-тюркск. -п в исходе слова развился в -ŋ; *sü* „войско“, род. п. *süŋ* „войска“, *eb* „дом“, род. п. *ebiŋ* „дома“, *qaŋa* „император“, род. п. *qaŋa-puŋ* „императора“. Он сохранился после согласных в южнотюркской и восточнотюркской группах языков. В северотюркской и западнотюркской группах окончание

* Приводимые в корейских грамматиках окончания -i и -ga не являются окончаниями именительного падежа: -i является, собственно говоря, суффиксом третьего лица, а -ga по своему происхождению представляет собой особую энклитику со значением „и“ или „но“ (см. Ког. Gr., § 86). — В монгольской грамматике как окончание именительного падежа приводится зачастую -ber, -ger, являющееся окончанием инструментального падежа; использование его в качестве окончания именительного падежа заимствовано из тибетской языковой традиции¹⁴.

-пуу, -пiу (см. выше § 1, е), воспринявшее -п- от первоначальных основ на -п-, стало общим как для основ на согласный, так и для основ на гласный. Относительно исхода окончания следует заметить, что в киргизском произносится -пуу, ~ -пiу, а в некоторых диалектах¹⁹, например в кумыкском, окончание имеет ныне форму -пу, -пi. В чувашском род. п. от тi „гора“ — tšwān от үг „девушка“ — үгәп, от рiлӗ „рыба“ — рiллӗп (< первонач. balyq, род. п. balyqyn), иначе говоря, мы видим здесь исконное окончание родительного падежа; после некоторых гласных основ, например, а, бӗа „ребенок“, род. п. а, бӗанӗп (в диалектах а, бӗажӗп), ӗӗӗи „мышь“, род. п. ӗӗӗижӗп, выступает то же самое окончание плюс -п или древний соединительный вставочный согласный -j-.

Якутский язык не пользуется суффиксированным родительным падежом, однако в нем существуют еще, например, такие формы, как bastуҕ „сначала“, tastуҕ „извне, снаружи“, и некоторые другие.

2. *Монгольский.* В монгольском падежное окончание встречается повсюду с унаследованным и прочно закрепившимся соединительным гласным. Поэтому после основ на гласный появился вставочный -j-, что и дало в итоге -jip. Там, где основа оканчивалась на -п-, следовало ожидать форманта -pip-, -piп-, однако повсюду встречается лишь -пи, -пi, иначе говоря, согласный -п в исходе слова после -п- выпал, как можно предполагать, в силу назализации гласного: pip > pi” > пи, или piп > pi > pi.

В литературном монгольском языке поэтому окончание родительного падежа имеет ряд вариантов: ger „дом“, род. п. ger-ün, gaḷar „земля“, род. п. gaḷar-un, qaḡan „император“, род. п. qaḡan-u, aqa „старший брат“, род. п. aqa-jin, dalaḷ „море“, род. п. dalaḷ-jin, qaḡad „императоры“, род. п. qaḡad-un и т. д. Гласный окончания удлинился, и -j- стало общим для всех ныне известных диалектов: калм. gerin „дома“, gazarin „земли“, ḡanḷ „императора, хана“, ḡadin „ханов“, aḡin, aḡan „старшего брата“; вследствие этого и здесь между долгими гласными в качестве заполнителя звиния выступает вставной соединительный -g-: калм. dalaḡ „морс“, род. п. dalaḡin (наряду с dalaḷ).

Древним вторичным образованием является окончание -пи-ai, -пi-ai, -ä-ai (др.-монг.), где -ai, -äi представляет собой окончание адъектива. Отсюда происходит окончание -пā, -пē, -ä, -ē: калм. gerā, ḡepā, gazarā, maḷ [„наш“ (букв. „нашинский“)]. Параллельные образования, полученные по аналогии с различными типами окончаний, — весьма обычное явление в монгольских диалектах, и поэтому едва ли не во всех них можно обнаружить несколько различных форм родительного падежа.

Как в монгольском, так и в тюркском от формы родительного падежа с помощью адъективного окончания -ki получены самостоятельные прилагательные, которые употреблялись наиболее часто в тех случаях, когда родительный падеж встречался не в предыменной позиции, а, например, оказывался в качестве ска-

зуемого: монг. ene moḡin aqaḷinkḷ „этот конь моего брата (братский)“; тат. atanуҗу „отчий“; алт. atanḷ (< atanууу). Этот адъектив на более поздней стадии развития языка употребляется, однако, и в предыменной позиции²⁰.

3. *Тунгусский.* В тунгусском — как зачастую и в тюркском — атрибутивные отношения выражаются посредством синтаксического соположения. Однако в маньчжурском исконное окончание родительного падежа четко проявляется в виде -i, -pi, например: maḷa „отец“, род. п. maḷa-i, maḷa-j; wang „король“, род. п. wang-pi. Гласный этого окончания был в маньчжурском языке, вероятно, долгим, и формант -pi здесь, как и в монгольском, должен быть истолкован, как воспринятый от основ на -п-. Возможно даже, что употребление этой формы родительного падежа должно быть возведено к монгольскому влиянию.

Образцы древней формы родительного падежа в тунгусском встречаются редко, например: hiḷin degiwuḷnan ḷūwān grekiḷin „ветер развеял дом лягушки“ (Мат. эв. ф., 23); лам. bi „я“, род. п. miḷ, hi „ты“, род. п. hiḷ и т. п. Тунгусские диалекты сходны тем, что родительный падеж выражается в них посредством -ḷi; например: aka „старший брат“, род. п. akaḷi (< akaḷḷi) „старшего брата“, bi „я“, род. п. miḷi (< miḷḷi), т. е. мы встречаем здесь ту же форму прилагательного, что и в монгольском aqaḷinkḷ, которая в данном случае стала адноминимальным родительным падежом. В маньчжурском языке эта форма прилагательного образовалась посредством -iḡe, -piḡe.

4. *Корейский.* В корейском языке еще встречается такая форма родительного падежа, как haḷin от hḷi „даль, солнце“, но обычно атрибутивные отношения выражаются там синтаксическим соположением, так же как в тюркском и тунгусском; однако особое падежное образование для родительного падежа тоже встречается. Ныне его окончанием является -ai, -ji, -i, и, наряду с этим, в качестве признака родительного падежа, перед согласными появляется геминация: sarah „человек“, род. п. sarahji, па „я“, род. п. nai (ныне nā), sarahjiḡe „к (дому) человека“, sarahkḷke „у человека“. Как согласный элемент -i, так и удвоение восходят, видимо, к слабому смягченному -i. Такого характера образование родительного падежа применяется обыкновенно лишь в тех случаях, когда речь идет о принадлежности человека, например: sarahji maḷ „человека речь“, sarahji maḷi „человека речь его“, но чаще всего sarah maḷi (ср. монг. окончание -ai, § 97).

Родительный падеж часто (в монгольском языке особенно, но также и в некоторых других) служил первичной формой для новых падежных образований²¹ в тех случаях, когда это касалось окружающей обстановки или места жительства какого-либо лица, например: калм. ḡāpā „хана“, местн. п. ḡāpādā „у хана“, ḡāpāḡās „от (двора) хана“; уйг. дат. п. biḡā „нам“ (лично), biḡingā „к нам“ (к нашему дому); кор. sarahne „в человеке“, sarahjiḡe „в (доме) человека, у человека, к человеку“.

Б. Синтаксическая атрибутивная конструкция. Выражение атрибутивных отношений синтаксическими средствами прослеживается с древнейших времен.

Во-первых, они могут быть переданы конструкцией, в которой атрибутивные отношения стоящих рядом слов осуществлены без помощи падежных окончаний; например: др.-тюркск. on-oq budun „Десять стрел-народ“; кор. cōsen mal „корейский язык“. Часто путем подобного соположения слов выражается некоторое отличие от оформленного суффиксом родительного падежа: уйг. qaγan oγlu „королевич“, но qaγanuγ oγlu „сын короля“, н.-монг. xān xōwūn „принц“, xāni xōwūn²² „сын хана“. В корейском суффиксальный родительный падеж употребляется только для слов, обозначающих живые существа, или для особо значительных слов.

Во-вторых, — и эта конструкция наиболее употребительна, — атрибутивные отношения между словами передаются следующим образом: слово, обозначающее обладателя, стоит в именительном падеже, тогда как предмет обладания оформлен притяжательным суффиксом, относящимся к связанному с ним лицу, например: др.-тюркск. er aty „имя человека“ < букв. „человек — имя его“, toqiz oγuz bāglāri buduni „бей и народ Девяти Огузов“ (букв. „Девять Огузов — бей их и народ их“), türk bilgä qaγan sabun „мой, турецкого мудрого кахана, речи“, и t.b.q. sabi „речи турецкого мудрого кахана“; уйг. buγan qutu „величие Будды“; тур. ana lisany „родной язык“ (букв. „мать — язык ее“), baş aγusy „головная боль“ < „голова — боль ее“. В турецком языке те же обороты речи могут быть переданы заимствованной из персидского изафетной конструкцией, например: kitāb-i-peder „книга отца“ и т. д. В тунгусском, например, гольд. mара „медведь“, hagdo „берлога“, mара hagdoni „берлога медведя“ < „медведь — берлога его“, bi gerbiw „мое имя“; эв. beje awγaran „здоровье человека“, oγon jelin „рог оленя“. В корейском языке, например, saram mari „речь человека“ < „человек — речь его“, jaγderi „шерсть“ < „овца — волос ее“ (= jaγ „овца“ + t'el „волосы“), kaγmigi „речная вода“ (< kaγ „река“ + mi „вода“ = монг. müren, яп. mi, mi-zu < mi-ntu).

§ 8. Винительный падеж

Винительный падеж представляет собой морфологическое образование, которое применяется для обозначения определенного объекта; для обозначения неопределенного объекта, или объекта вообще, обыкновенно используется основная форма слова, не имеющая окончания, т. е. форма именительного падежа²³. Поэтому значительно более употребительным оказался винительный падеж, образованный от местоимений, нежели образованный от существительных. В данном случае древнейшие падежные отношения довольно хорошо воспроизводит, вероятно, корейская языковая традиция. Винительный падеж, разумеется, является адвербиальным, т. е. относится непосредственно к глаголу. Точно так же обстоит

дело и со всеми другими, рассматриваемыми в дальнейшем, падежными образованиями.

1. *Тюркский*. В тюркских языках винительный падеж местоимений обозначается через окончание -у, -i:sān „ты“, вин. п. sāni „тебя“, bu „этот, это“, вин. п. şunu (др.-тюркск. bupu), biz „мы“, вин. п. bizni „нас“. Таким образом, здесь появляется снова тот же -n-, который мы уже рассматривали, говоря о родительном падеже.

Это типическое для винительного падежа образование было затем обобщено турецким языком в позиции после согласного в виде -у, -i; в другие диалекты оно как окончание винительного падежа проникло в форме -nu, -ni, например: южно-тюркск. (тур.) daγ „гора“, вин. п. daγu; ev (тур.) „дом“, вин. п. evi; зап.-тюркск. (тат.) tau „гора“, вин. п. taunu; üj „дсм“, вин. п. üjni. В чувашском языке в качестве соединительного вставочного согласного выступают как -j-, так и -n-. Гласным окончания в чувашском языке стал -а, -ä; это процесс фонетического развития, с которым мы встречаемся и во многих других формах словоизменения; вследствие этого фонетически винительный падеж в данном случае полностью совпал с дательным, например: tu „гора“, вин. п. tãva, дат. п. tãva; ср. тунг. sing и singwe „тебя“, mine, mine-we „меня“, т. е. с -e в качестве окончания.

В древнетюркском встречается образование винительного падежа на -уγ (после согласных), на -γ (после гласных). В древнейшем уйгурском этот винительный падеж был еще употребителен, но позднее он исчезает. Уже в языке Ноһ мы встречаем его в виде -gi в выражении rü-gä-gi tutang „возьми Бюгэ в плен“ (см. JSFOu, 38, стр. 30—).

2. *Монгольский*. В монгольском языке окончанием винительного падежа является -i (после согласных), -ji (после гласных); gar „рука“, вин. п. gari, morin „конь“, вин. п. morini, aqa „старший брат“, вин. п. aqaji, dalai „море“, вин. п. dalaiji. Как и в родительном падеже, здесь также гласный окончания на очень ранней стадии развития произносился как долгий, т. е. -i, -ji. На ранней стадии произошло также удвоение окончания: -iji, -iji, а в качестве соединительного согласного между гласными возник вставочный -g-. Возможно, что принятое ныне произношение -igi, ig, наряду с которым встречается еще и i- (произносимый кратко), является наиболее архаичным. Не исключено поэтому, что винительный падеж в древнетюркском: qaγanuγ „хана“, ebig „дом“, süg „войско“, тождественен монгольскому винительному падежу²⁴. Несмотря на это, все же существует предположение, что некое невыясненное энклитическое -gi присоединилось к падежному окончанию винительного на -i.

У существительных, оканчивающихся в монгольском языке на -n, наряду с правильной формой винительного падежа встречается еще и краткая форма, которая отличается тем, что это -n выпадает, например: usun „вода“, калм. usn, вин. п. usig, us“;

birqaq „Будда, бог“, калм. *birxiġ, birxonig, birx*³ и т. д.; возможно, что это результат особого хода развития первоначального звука окончания — краткого *-i:*: им. п. *usu*, вин. п. *usui > usü*.

3. *Тунгусский*. В тунгусском языке мы находим две формы винительного падежа: одну — с окончанием *-a, -ja*, которая в ряде случаев используется как разделительный падеж, и вторую, являющуюся, несомненно, много более поздней по происхождению, с окончанием, которое должно быть возведено к *-ba*. Окончания *-a, -ja* могут фонетически восходить к исконному *-i*, например: тунг. *ṗō* „дерево (дрова)“, вин. разд. *ṗōja*; *ṗi* „вода“, вин. разд. *ṗije*; *ē* „что“ (< *jā*), *ēkup* (< *jakup*) „что“, вин. разд. *ēja, ēkupa*; *ṗi* „кто“, вин. разд. *ṗije*; онкор.-сол. *ber* „лук, оружие“, вин. разд. *beri*; тунг. *sinewē* „тебя“ (< *sinē-ba*). Это падежное образование на *-a, -ja*, которое мы, таким образом, намерены отождествить с тюркско-монгольским винительным падежом, в маньчжурском языке не известно (см. подробнее VA, стр. 83—).

Винительный падеж в маньчжурском языке, обозначаемый формантом *-be* (в раздельном написании), фонетически представлял собой **ba* (~ **bā*). Ему соответствует тунгусский определительный винительный падеж на *-wa*, где лабиальный звук меняется в зависимости от предшествующего звука, и потому окончанием является *-wa, -pa, -ba* или *-pa*, например: тунг. вин. п. *ogopṗo* „олень“, мн. ч. *ogogwo, ogogbo*; им. п. *ḥupāi* „девушка“, вин. п. *ḥupātra*, мн. ч. *ḥupilba, ḥupilwa*; вин. п. *ṗōwa, ṗiwe, ēkuppa, ṗiwe* и т. д.

Это окончание и ныне не является окончанием винительного падежа в точном смысле, а скорее представляет собой омертвевшее деепричастие от глагола (кор.) *ṗoda* „смотреть“ и имеет значение „смотря по“, „относительно“. В корейском языке деепричастие *ṗoa* (после звонких закономерно произносимое *ṗoa ~ ba*) применяется точно так же, как тюркск. *kōrā*, тат. *kūrā*, тур. *gōrā*, и это наводит на мысль, что винительный падеж развился как раз из такого словоупотребления²⁵. Маньчжуро-тунгусский винительный падеж представляет собой, таким образом, совсем еще свежее явление и в некоторых случаях сохраняет еще свою многозначность: ср. тунг. (Мат. эв. ф., 221) *bi sināwā gūncā* „я сказал это против тебя“ ~ „я говорил относительно тебя“.

4. *Корейский*. В корейском языке винительный падеж имеет в исходе в сев.-кор. *-i, -i*, а в южно-кор. *-il, -il* — это относится к основам на согласный; после основ на гласный южно-кор. имеет окончание *-il, -gil*, а сев.-кор. *-gi*. Трудно сказать, как следует здесь толковать *-i*; некий, неизвестного происхождения *-i* в конце слова встречается также в монгольском (монгл. *-dur*) и в тюркском (*aġar* „его“). Возможно, что к корейскому *-i*, являющемуся исторически первичной формой винительного падежа (гласный *-i, -i* — исконное окончание винительного падежа), уже на ранней стадии развития присоединился конечный *-i*, и окончание *-gil* возникло путем аналогии и одновременно путем удвоения более древнего окончания, например: им. п. *ṗin* „дверь“, вин. п. в сев.-кор. *ṗinṗi*,

южно-кор. *ṗinil*; па „я“, вин. п. сев.-кор. *ṗaġi*, южно-кор. *ṗaġil, ṗaġi*; *saram* „человек“, вин. п. сев.-кор. *sarami, saramil, saramil*, южно-кор. *saramil*; *kiŋ* „путь“, вин. п. *kiŋi*; *jan* „овца“, вин. п. *jana*; *č'oŋ* „ружье“, вин. п. *č'oŋo, č'oŋi* и т. д.

Приведенные примеры тунгусского в винительного падежа с формантом *-ma-* следует сопоставить со следующими примерами из корейской фразеологии: *au boa (ba) ṗal handa* „он говорит (ṗal handa) про(с) младшего брата (au)“ < „он говорит младшего брата относительно“.

Об употреблении винительного падежа во всех этих языках следует еще сказать, что винительный падеж используется не только как падеж дополнения, требуемый глаголом, — он может также выражать отчуждение во времени или пространстве.

§ 9. Дательный падеж

Во всех языках, кроме тунгусского, отчетливо распознается падеж с окончанием *-ai* (или *-a*) и его вариантом *-gai* (или *-ga*), имеющий значение дательного падежа.

1. *Тюркский*. В тюркском этот дательный падеж общеупотребителен с давних пор. Он имеет также смысл локального, со значением „куда“. Его окончанием является *-a* или *-ga* соотв. *-ka*, например: др.-тюркск. *taŋqa* „к горе“; чув. *tāva*; тат., казах., кирг., тел., *taŋqa*; тур. *daŋa*; др.-тюркск. *qaŋaŋca* „кахану“; вост.-тюркск., зап.-тюркск. *qaŋaŋca*; чув. *ḥupa, ḥopa*; др.-тюркск. *qaŋa-ṗuta* „моему государю, моему кахану“, *qaŋaṗuṗ-a* „твоему кахану“, *qaŋaṗuṗ-ŋa* „его кахану“; зап.-тюркск. *qaŋaṗuṗ-a* „его кахану“. Каким-то странным образом *ṗin* „я“ и *sān* „ты“ дают в дательном падеже *ṗaŋa, saŋa*, а не *ṗiŋā, sāŋā*²⁶; это явление могло бы указывать на исконное *-a* в окончании, если бы его не приходилось объяснять тенденцией к регрессивному передвижению передних гласных, которая обнаружена и в некоторых других случаях, в частности в сочетании со звуками *q, g, ŋ*. Кор. *jege, čege, kiŋe* „здесь, там“, в диалектах *jē, čē, kē*, являют форму окончания *-kei*, а не **kaŋi*.

Во многих современных языках дательный падеж местоимений встречается с окончанием *-ŋar*; алт. *aŋar* „ему“, *ṗaŋar* „этому“ и т. д.; это следует, пожалуй, возвести к тому, что в древне-тюркском *-ŋar* зачастую применялось как раз к местоимениям, ср. др.-тюркск. *baŋar* „мне“, „ко мне“. — Окончание *-ti* как такое мы будем рассматривать позднее. — О фонетическом совпадении дательного и винительного падежей в чувашском языке уже упоминалось выше.

2. *Монгольский*. В монгольском языке употребление окончания *-a* уже на очень раннем этапе отошло к древним образованиям, однако еще и теперь *oŋo* часто встречается в послелогах, некоторых глагольных формах и т. д. Вместо дательного падежа на *-a* уже очень рано стали пользоваться местным падежом на *-du*.

Примеры: gažar-a „к земле, на пол, на землю“, dotur-a „во внутрь, внутри“ (маньч., тунг. do „внутренность, содержимое“), deger-e „вверх, сверж, лучше“ (тюркск. jäg „лучше“; маньч., тунг. dele, dilä „наверх, кверху“), boluga „к бытию (= чтобы быть)“, jabura „к хождению (= чтобы пойти)“, igere „к приходу (= чтобы прийти)“ (дат. п. на -а имени действия на -г), ilarğui-a „в особенности, особенно“, qamija, qamiga „где, куда“ и т. д. В последнем примере мы имеем, фактически, окончание -ga, так как основой было, вероятно, qa, а второобразной основой qa-mi.

В соединении с конечным согласным основы дательный падеж дал во многих послелогох -га или -па. Этот ход развития привел в диалекте монгол к образованию дательного-местного падежа на -ге; подобное же развитие могло также иметь место уже на древнейшем этапе и в тюркском, в таких случаях, как др.-тюркск. iç „внутренность“, içrā „во внутрь, внутри“, tağra „наружу, снаружи“ (ср. içirtin „изнутри“, taşirtın „извне“); soğ „позднее, позднее“, уйг. soğra, тур. soğra „после, за, вслед“ (маньч. soğko „след“), др.-тюркск. öğrā „вперед, впереди“, kirsā „после, за, вслед“ и т. д. Встречающиеся наряду с этим -ja, в др.-тюркск. jura-ja „на севере“ (чув. šag „ночь“), quru-ja „на западе“, соотносится с тунгусским -ja „сторона“ (ta-ja „на той стороне“, ha-ja „где“). Очень древним является в монгольском языке сочетание окончания -а (в значении местного падежа) с древним окончанием исходного падежа -са; это -аса должно было уже издревле произноситься -аса, -аса. Таким образом, дательный падеж, инкорпорированный в окончании исходного падежа -аса, -ās, продолжает в какой-то мере свое существование.

3. *Тунгусский.* В диалектах тунгусского языка этот дательный падеж уже с давних пор стал непродуктивным. Следовало бы ожидать его сформирования окончанием -а или -е. В маньчжурском языке в парадигме склонения имен он уже не встречается, однако в парадигме спряжения глаголов встречается герундий с окончанием -ше, который вполне отчетливо опознается как дательный падеж от имени действия на -ш: маньч. агаше „делая, в делании“, агаше-би, букв. „быть в делании“ (англ. is a-doing), „делает, действует“, что дало в результате настоящее время на -шби. Нет ничего удивительного в том, что в маньчжурском языке окончанием является -е, а не -а, ибо здесь мы имеем дело с безударным окончанием: маньч. -be вместо тунг. -ba (окончание вин. п.), маньч. -de вместо тунг. -du, тюркск. -da (окончание местн. п.).

В тунгусском языке можно, пожалуй, усмотреть дательный падеж еще в словах: шпā, шпūā „однажды, один раз (= когда-то)“ (от шпū „один, раз“), шпūālā „по одному“, тоğatala „по пять“ (ср. шпūtal, тоğatal в качестве именительного падежа, и шпūtalzi, тоğatalzi в качестве инструментального падежа с тем же значением). Возможно, что сюда же следует отнести то тунгусское -ga, которое имеется в таких словах, как žuga „в летнее время“, tuge „в зимнее время, зимой“, turga „в течение дня, днем“ и т. п.

Тождественно ли это -га тому суффиксу -ga, который в ламутском языке имеет значение „для“ или „вместо, взамен“, — неясно; лам. (aun „шапка“), aun-ga-ku „мне на шапку (= к шапке)“, „(материал) на шапку для меня“, (tāti „одежда“), tātihas „тебе на платье“, „(нечто) как платье для тебя“ и т. п. Это образование названо Богоразом Designativus (ср. VA, стр. 83—).

Если предположить, что в древнем тунгусском так же, как в корейском и в тюркском, параллельно существовали окончания -а и -ga, тогда этот Casus designativus (Богораз, стр. 14), который в ламутском оканчивается на -ga, -ha, -ka, а в других диалектах, совпадая фонетически с разделительным (партитивом), имеет в исходе -а, -ja, должен быть понят как реликт более древней стадии развития языка. Этот падеж всегда употребляется с притяжательным или возвратным суффиксом, например: min d'uhaku „как мой дом служащий; мне за дом (= для дома)“, hin aungas „тебе за шапку (= как шапку)“ (āwun-ga-si), towgaku buli „дай мне (угля) на топку!“, taraw orom ondadgai gad'im „того оленя я себе (сам) возьму на приманку“ (< *ondat-ga-wi „на свою приманку“). Возникающее здесь в 1 л. ед. и мн. ч. -k- (-ga-k-u, -ga-k-up взамен -ga-s, -ga-sun, -ga-n, -ga-tin и -ga-i, -ga-ur) должно быть истолковано точно таким же образом, как в лам. tikte-k-u „чтобы я упал“, tikta-k-up „чтобы мы упали“, āmda-k-u „чтобы я пришел“ вместо tiktai „чтобы самому упасть“, āmdai „чтобы самому прийти“, āmdas „чтобы тебе прийти“, āmdan „чтобы ему прийти“ и т. д. Встречается фонетическое совпадение с разделительным падежом, например: негид. ēla asi-ja-j bakačas „где ты нашел себе в жены?“, ŋonāt-pi asi-ja-w būkol „твою дочь в жены мне дай!“; тунг. kašikānme emewre hutejēn „они привезли собаку как его сына (= ему за сына)“ (Мат. эв. ф., 131).

В результате такого употребления образований с -ga-, в тунгусском языке при изменении имен путем присоединения суффикса -li [направительный падеж (= пролатив) со значением „вдоль чего“, „куда“] возник особый падеж — падеж цели с окончанием -ali, -jali: asijali „(себе) в жены“, ēkunali „для чего?“. В гольдском языке встречается ныне суффикс -go- ~ -gu- (А. Улитин, Язык и мышление. Л., АН СССР, 1933, стр. 136), который употребляется точно таким же образом, как и приведенный выше суффикс ламутского языка, например: asigui bāhani „он женился, он взял (ее) в жены“, что восходит к *asi-ga-wi и дает во множественном числе в качестве параллельной формы asigo-ari < asi-ga-wari. Таким образом, это -ga- натурализовалось и в южнотунгусских и в северотунгусских диалектах.

Возможно также, что герундий или своего рода „инфинитив“ на -рга в ламутском языке восходит к отглагольному имени на -п с этим падежным -ga: gağa ušarār „мы не можем взять, мы не в состоянии взять“.

4. *Корейский.* Старый дательный падеж в корейском языке ныне имеет окончание -ё, -gё, что в древних литературных памят-

никах обозначается -ai, -ei, а в современной письменности обычно -ei. Этот падеж имел значение как дательного, так и местного, например: ċibe „в доме, к дому (домой), в дом“; mare „в, на, у, к коню“; arā, are „внизу“ (allo „вниз, книзу“); omā (o- — глагол, om — имя) „в ходе, в пути, идя“ = нем. „im Kommen“ (ср. маньч. omc „в становлении“, ombi „находится в становлении, становится“) и т. д. От некоторых основ имеется также дательный падеж на -ge, например: malge ~ mare, tolge ~ toge „на, в, у, к камню“; ratke ~ rakke „вне, снаружи“ и т. д. От родительного падежа исстари был образован дательный падеж на -ge, и это есть ныне принятая грамматическая форма дательного падежа, тогда как простой дательный падеж теперь используется в качестве местного падежа (локатива), например: saram „человек“, saramc „в человеке, у человека“, saramige, saramkke „человеку, к человеку“ см. выше § 7, А, 4).

§ 10. Местный падеж (локатив)

Особое, адвербиально употребляемое падежное образование для обозначения понятия места („где“) и времени („когда“) имеется в тюркском, монгольском и тунгусском языках.

1. *Тюркский.* В тюркском его окончанием с давних времен является -da (-dā или, соответственно, -ta, -tā) с обобщенным значением определения местоположения, т. е. как с инессивным, так и адессивным значением. В чувашском языке окончание -da закономерно дало -ta; -ta и -ta с точки зрения историко-фонетической легко объяснимы. Примеры: taŭda „на горе, в горе“, казах. tauda, чув. tura, тур. daŭda; др.-тюркск. taŷda „среди камней, у камней“, зап.-тюркск. taŷta; тур. oŷanda „в лесу“, чув. vār-taŷtra (диалектное? фонетически закономерно чув. -nd- > -nd-) и т. д.

Этот падеж употреблялся также для выражения имени действующего лица в предложении страдательного залога. В древнетюркском он применялся также для указания места („откуда“); помимо того, употребление данного падежа было очень многосторонним. От употребления аблатива в этом значении якутский язык получал разделительный падеж (партитив) с окончанием -ta, например: ūta agal „принеси воды“, ср. de l'eau (ū первоначально sub „вода“). Этот разделительный падеж употреблялся в якутском языке, по-видимому, только в сочетании с повелительным наклонением²⁷.

От местного падежа с помощью окончания -ki образовали прилагательное, например: taŭdaki „на горе находящийся [= (тот), что на горе], к горе относящийся, горный“; ebdāki „в доме находящийся [= (тот), что в доме, = домашний]“ и т. д. В чувашском языке из окончания -daki (через посредствующую степень -tŷi, -tŷi) возникло окончание современного прилагательного -ti, -ti: turgiti „на горе находящийся (горный)“, anatri „внизу находящийся, нижний“ (anat, ср.-тюркск. ānūt „нисхождение, погружение“).

В древнетюркском, где, например, oŷuzda обозначало „у огузов“ и „от огузов“, с целью уточнения различия между местным и исходным падежами, к форме местного падежа было энклитически присоединено слово jan „сторона“. В древних высеченных на камне надписях встречаются формы типа *oŷuzdajan, *oŷuzdājan, oŷuzdandan „от огузов (= огузами)“, *oŷdājan, *oŷdājan, oŷdāndan „спереди, от передней стороны“. Это сочетание -da-jan развилось в сокращенное -dan, и во всех тюркских языках и диалектах мы находим исходный падеж на -dan (чув. -tan, -tan, -dan; койб. -dang, -tang, -pang). Для этимологии слова jan „сторона“ следует сравнить кор. tan „край, ранд“, ċiptan „от дома“, ċiptane „у дома“, saramtiane „у человека“. В якутском имеется ūta „de l'eau“, но ijātān „от матери“ (но не что-то вроде ijātān!). Наряду с этим сохранилось старинное образование прилагательного на daŷu: yaŷlāŷu (< aŷuldaŷu) „(тот что) в селе“, ŷatuŷnāŷu (< qaduŷdaŷu) „(то что) на березе“ (Ястремский, стр. 54—), а из сочетания -da kōgā „по... смотря, согласно...“ произошел в якутском языке сравнительный падеж (Causus comparativus) на -dāŷar (ныне также -dāŷan, как диалектный вариант): aŷatāŷar „по сравнению с отцом“, yaŷlāŷar, ŷatuŷnāŷar и т. д., диалектное, также aŷatāŷan, yaŷlāŷan и т. д.²⁸

2. *Монгольский.* Монгольский язык имеет в данном падеже окончания -da (-ta), -de(-te) и -du(-tu), -dū(-tū), из которых -da употребляется чаще всего при наречиях, послелогох и названиях места, а -du — при других существительных. В монгольской письменности при существительных находим -dur, -tur. Этот -r здесь представляется совершенно загадочным, ибо, насколько до настоящего времени известно, ни один из современных живых языков не знает окончания -dur.

Как и в тюркском, прилагательное образуется здесь путем присоединения к суффиксу местного падежа окончания -ki, т. е. посредством -daki. Поскольку форма дательного падежа с -a оказалась утраченной, местный падеж взял на себя функции как дательного падежа, так и агенса. Примеры: ende „здесь, сюда“, endeče „отсюда“ (калм. endēs)²⁹, endeki „здешний“; erte „рано“, erteki „ранний“ (чув. ir „утро“; тат. irtā „рано“; тур. ärtān „рано, ранним утром“; сар., койб. ergi „ранний“; алт., якут. ärdä); pada, padu, padur, pamadur „мне“, padača, pamadača „от меня (= мною)“; gertür, gerü, gerte „в доме“, gerteče „от дома“, gerteki „в доме находящийся [= (тот), что в доме], относящийся к дому, домашний“; tengri „небо“, tengrideki „небесный“, tengridür, tengridü, tengride „в небе, небу“, tengrideče (устарело) наряду с tengrieče и tengriče (tengrise — начальная форма для парадигмы исходного падежа во многих бурятских диалектах).

3. *Тунгусский.* В тунгусских диалектах этот падеж имеет окончание -du, -tu, а в маньчжурском языке -de (неизменно в данном написании). Местный падеж имеет здесь, как и в монгольском, очень широкий круг значений. Во многих тунгусских диа-

лектах местный падеж, например, *ǰūdu* „в доме“, послужил исходной формой для дальнейших падежных образований: *ǰūla*, мн. ч. *ǰūldula* „дома“; *ǰūli*, мн. ч. *ǰūlduli* „домой“. Таким вторичным образованием является исходный падеж с окончанием *-duk*; сол. *-duxi*; пегид. *-dukkoj*, *-dukki*, где элемент *-koj*, *-ki*, *-k* не идентичен турецко-монгольскому адъективообразующему *-ki*, так как адъектив, образованный от местного падежа, звучит в тунгусском как *-di*, *-ti*, что могло бы представлять собой **-du-ai*, **-du-ci* > *di* либо соответственно **-du-gi*, например: *lamu* „море“, *lamudu* „на море, в море“, *lamuduk* „от моря“, *lamudi* „морской“ (= нем. *Meeres-* = англ. *see-*), *lamuji* „к морю относящийся, морской“; *bi* „я“, *mindu* „у меня, мне, мною“, *minduk* „от меня“, *mindu* „(тот), что у меня“, но тунг. *miŋi* „мне принадлежащий, мой“, лам. *min* „мой“.

4. *Корейский*. Корейский язык этого падежного образования не знает, но имеет в своем распоряжении существительное *taŋ* (*daŋ*) „место, местность“, являющееся одним из наиболее употребительных слов, например: *jeŋdaŋ* „здесь“ (*je* „этот“), *čeŋdaŋ* „там“ (*če*, искони и в диалектах *tje*, *te* „тот“), *kiŋdaŋ* „там“ (*ki* „тот, что“), *edai*, диалектное *wedai* „где“ (*wę*, др.-кор. **me*, **mi*, „что“); *kaŋdaŋ* „след, колея, место, где прошел кто-то“, *kaŋtaŋ*, сев.-кор. *kaŋ-taŋ* „место, где следует пройти“, „место для посещения, место, которое надлежит посетить“, „на ходу, во время ходьбы, идя“. Гласный *-ə-* в этом имени *taŋ* может рассматриваться как изначальный **-o-*, **-u-* или **-a-*, и с точки зрения фонетики нет возражений против того, чтобы в этом аффиговании усмотреть истоки тюркско-монгольско-тунгусского локатива; тем самым становится объяснимым и отсутствие его в корейском языке (ср. ниже § 126).

§ 11. Суффикс *-tu*, *-tü*

Падежное образование с этим окончанием особенно отчетливо выявляется в тюркском, монгольском и корейском. Оно имеет значение указания направления („куда“) и могло бы быть названо „направительным падежом“ (латив, пролатив или директив).

1. *Тюркский*. В тюркском, уже на древнем этапе, имелось др.-тюркск. *äbiŋtü* „(по направлению) к моему дому“ (*äbiŋ* „мой дом“); архаичны также *bärgü* „сюда“ (от *bän* „я“), *agi* „туда“ (ан-, основа местоимения „тот, что“) и уйг. *kiŋü* < **kärgü* „обратно, в обратном направлении, прочь“ > якут. *kiäg* (то же); алт., тел. *jaŋu*, *jaŋ* „к, по направлению к“ (< *jaŋ* „сторона“)³⁰.

Это окончание стало общеупотребительным в положении после дательного падежа, а *-tu* стало даже применяться в качестве продуктивного суффикса: *qaŋatu* „к кахану“, *bizgätü* „к нам“, *bizingätü* „к нашему дому“, *tašqaru*, *tašaru* „наружу“ (тур. *duşaru*), *ičkärgü*, *ičgärgü* „внутри“ (тур. *ičäri*), *ilgärgü* „вперед“ (тур. *iläri*), (*joqaru*), *joŋaru* „кверху“ и т. д. Употреблявшийся в уйгурском языке и в диалектах (языках) более позднего происхождения в качестве дательного падежа *aŋaŋ*, *miŋaŋ* („ему“, „этому“), в

одном ряду с которым стоят как диалектальные проявления и более поздние казах. *oŋaŋ* (*oŋan*), *miŋaŋ* „этому“, *maŋaŋ* „мне“, *saŋaŋ* „тебе“, должен быть возведен к древнему *-tu*³¹.

2. *Монгольский*. В монгольском языке окончание *-tu*, *-tü* встречается в различных его диалектах, хотя литературный язык этим падежным образованием и не пользуется, например: монг. **qagaŋu* ~ *qaŋu* > калм. *χär-än* (с возвратным суффиксом) „куда“; монг. *inaŋu* (= *inaŋsi*) > калм. *pärän* „сюда“; халх. *modotü* „к лесу, по направлению к лесу“, *golrū*, *golurū* „к реке, к середине“, *geriŋ* (при диссимиляции второго *-t-* в *-l-*) „по направлению к дому“, *morilū* „к копы“ и т. д. После согласных окончание имело здесь форму **-tu*, после гласных **-tu*, и, вероятно, отсюда в западно-монгольском в результате удлинения соединительного гласного получилось окончание *-ür*, например: *golür* „по реке, за реку“, *gerür* „к дому“, *usür* „в воду“. Затем в результате вставки *-g-* в качестве соединительного согласного после долгих гласных возник вариант *-gür*, например: *χögür*, *χögür* „пазад, позади“ (нем. *hinten herin*), *pägür* „сюда“ (= „в эту сторону“), „на этот путь“. Это образование на *-ür*, *-gür* встречается также и в других диалектах, но если наряду с ним в каком-либо диалекте употребляется и окончание *-tu*, зачастую приходится констатировать, что по смыслу они отличаются друг от друга³², например: халх. *usurü* „прямо к воде, по направлению к воде“, *usür* „в воду“ или „вдоль по воде, по течению“*.

3. *Корейский*. Корейский язык издревле имеет разносторонне применяемое падежное образование — латив, которое представлено в южно-кор. окончанием *-go*, а в сев.-кор. *-tu* (*-tü*), *-ilŋi* (*-ilü*); это окончание восходит к исконному *-tu* ~ *-tü* и выражает направление: „такой-то дорогой, в таком-то направлении, через, сквозь, посредством“ и т. д. В современной корейской грамматике это падежное образование является инструментальным (орудийным) падежом, например: *saŋgo* „вдоль горы, через гору, от горы сюда“, сев.-кор. *saŋtu*, *saŋtü*; *čibigo* „домой“, сев.-кор. *čibutu*; алло „книзу, вниз“, южно-кор. *mullo* „к воде, вдоль по воде, водой, через воду, с водой“ и т. д., сев.-кор. *mulu*, *mitutu* „к воде“ и *mitülü*, *mitullü* „(с) водой, через воду, посредством воды, водой“. Поскольку это падежное образование, являющее собой древнюю форму, стало

* Первоначально существовавший, но позднее вычеркнутый Рамstedтом третий абзац гласит: „В тунгусском встречается падежное образование на *-li* (сол. *-li*), которое некоторые называют Prosectivus; оно передает значение „вдоль по...“, „через...“, например: *miŋli* „вдоль по воде“; сол. *pälduli*; тунг. *laiduli* „вдоль по реке“; тунг. *imandali*, *imandaduli* „через снежную равнину“. В маньчжурском встречается несколько случаев с *-li*, где предшествующее ему *-l-* явилось, видимо, причиной диссимиляции: *žuleri* „вперед, передней дорогой“ (*žuleri* „вперед“), *oŋilori* „верхом, верхней дорогой, поверх, через“, *edori tederi* „туда и сюда“ [ср. кор. *idaŋa tjeŋara* (то же)]. Однако вопрос о том, следует ли действительно связывать это тунгусское образование с суффиксом *-tu*, остается невыясненным, так как встречается также и древнее окончание *-li*, см. § 12.—Прим. П. Аалто.

одним из наиболее употребительных, наряду с исконными древними формами появились и образования по аналогии с ними. Тождественность этого падежа с тюркским -*tu* и монгольским -*tu* очевидна.

К этому падежному образованию в корейском языке на очень ранней стадии развития присоединилось окончание дательного падежа -*ai*. В силу фонетических законов первичное *-*tu-ai*, *-*tü-ei* выступает ныне в письменной традиции в виде -*lai*, -*lei*, а в разговорном языке как -*lä*, -*le*. В северокорейском языке оно общепринято как падежное окончание: *abillä* „для отца“, *mallä* „для меня“, *mekkillä* „для еды, чтобы поесть“, *kagillä* „чтобы пойти, из-за ходьбы (= ради ходьбы)“; в южнокорейском же как общепринятый формант встречается только -*ki-lä*, иначе говоря, -*lä*, следующее за глагольным именем на -*ki*. Таким образом, в корейском языке мы имеем -*tu* + окончание дательного падежа, а в тюркском, в обратном порядке: -*ya-tu*.

4. *Тунгусский*. Если бы это корейское окончание встречалось в тунгусском языке, его следовало бы ожидать в виде -*lä*, -*lä* или -*lä*, -*lä*. В действительности же, диалекты тунгусского (как южнотунгусская, так и северотунгусская языковая группа) имеют падеж с окончанием -*lä*, -*lä* со значением адессива-аллатива („у кого“, „к кому“, „о чем“), что вполне соответствует его употреблению в корейском языке, например: маньч. *dele* „вверху“, *dolo* „внизу, внутри“ (*de* „верх“, *do* „внутренность“), *ebele* „здесь, сюда“, *ubala* „этому (= нем. *dem*)“ (< *e-* „этот“, *ba* „место“); тунг. *samandula* „у шамана, к шаману“, *algala* „на руке“, диалектное *halgala*; голыд. *palgalä* (маньч. *faiga* „внутренняя часть руки“); монг. *alaga*, калм. *alxa*, кор. *phal* „рука, горсть“; *ilä* „где, куда“ (см. Радлов, I, 1478, чаг. *iläisä* „где бы то ни было“ < *ilä cäsä*), *talä* „там, туда“, *elä* „здесь“. Точно так же как от окончания -*tu* был образован исходный падеж на -*duki*, -*duk*, от -*lä* имеется падеж со значением „откуда“ с окончанием -*läki*, -*läk*; сол. *iläk* „откуда“, *taläk* „оттуда“, *algalak* „из руки“, *guläk* „от дома, из дома“ и т. д. Относительно этого -*k* см. § 127.

Поскольку тунгусский элемент -*lä* в качестве падежного окончания, по-видимому, соответствует корейскому составному окончанию -*tu-ai*, ныне -*lä*, можно с уверенностью предполагать, что тунгусское окончание -*li* следует соотносить с первичным корейским -*tu*.

§ 12. Суффикс -*li*

В древних тюркских (уйг., ср.-тюркск., чаг.) имелось некое -*li*, которое встречалось обыкновенно при двух стоящих рядом именах и должно переводиться, как „и“, „как, так и...“, „и... и...“: др.-тюркск. *inili äcili* „как младшие, так и старшие братья, младшие и старшие братья“; уйг. *tünli күnli* „ночь и день“, *tärgili jirli* „небо и земля“; др.-тюркск. *bägli budunly* „князя и народ“. В татарском, казахском, чувашском, якутском и многих других

языках и диалектах этот оборот встречается еще довольно часто. По-казахски говорят, например, *erteli keç* „день и ночь“, *erli qatup* „муж и жена, супружеская чета“; эти конструкции восходят к древнейшим образцам.

В древнетюркском и уйгурском к этому -*li*, возможно, присоединялись падежные окончания: др.-тюркск. *bägli budunly* „князя и народ“; уйг. *tärgili jirlikä (jirlikä)* „небу и земле“.

От формы с окончанием -*li*, которая, таким образом, обозначает „вместе с, с“ и употребляется в качестве наречия, образуется при помощи адъективного окончания -*g* формант прилагательного -*lig*: др.-тюркск. *qan-lyu il* „народ с ханом, народ (государство), имеющий хана“ (= „хановый“ народ, „хановое“ государство); *atlyu* „с именем, поименованный, получивший имя“; *alyu-lyu*, букв. „со взятием, взятый“; тат. *alülä* (то же); казах., тат. *baıla-* „вязать, связывать“, *baıla-lyu* „с завязкой, связанный“ и т. п. Формант прилагательного -*lyu*, который, таким образом, представляет собой развитие падежного -*ly*, -*li*, вытеснил его в некоторых диалектах, например: алт., тел. *ağa-lü açu-ly* (< *ağalyu açu-ly*) „старший и младший брат“, *erlü qadyttü* (< *erlig qadup-lyu*) „муж и жена“ и т. п.³³.

В монгольском существует также образование на -*li*: *adali* „идущий в сравнение, подобный, похожий на“ (ср. монг. *ada ügei* „несравненный“) > якут. *atyly, tyly, tili* „подобный, как“ и монг. *büküli* „цельный, нетронутый“ (ср. *bükü* „бытие, наличие, все“), которое следует сравнить с упоминавшимся выше тюркским -*li*. Между этим -*li* („с“) и окончанием комитатива на -*luga* ~ -*lüge* (древнее произношение -*lu'a*, -*lü'e*, позднее -*lä*, -*lä*) существует, вероятно, этимологическая связь; -*a*, -*e* представляет собой, возможно, окончание дательного падежа. Этот падеж на -*lä*, -*lä*, синтаксически предвещающий следующий за ним глагол, в большинстве диалектов уступил место притяжательному прилагательному на -*tu*, -*tü* и *tai*, -*tei* (< -*tu-ai*, -*tü-ei*)³⁴, но, тем не менее, он иногда еще встречается. В некоторых случаях он развился по аналогии в -*läg*, -*läg*; монг. *paṅaluga* „вместе со мной“; калм. *paṅalä, paṅlä*; монг. *erekü lüge* „надеясь, с надеждой“, *irekü lüge* „с приходом, при приходе (=приходя)“; халх. *erxelä*; калм. *erkelä* и халх. *irxelä*; калм. *irkelä*, но халх. *irxeläni*; калм. *irxeläni* „при его приходе, когда он приходил (или „приходит“)“, „при его приближении, когда он приблизился“. С этим -*luga*, -*lüge* или, вернее, с этим -*lu* следует сравнить также тунг. -*lup* > якут. -*lup* „вместе с, с“³⁵; это окончание -*lup*, ассимилировавшись, выступает теперь в тунгусском в виде -*lip*, а в якутском также и в виде -*lap*: тунг. *akilup, akiṅup* „вместе со старшим братом“; якут. *āpalaṅ* „с Анпой“; якут. *žaktarupaṅ (žaktarup-lap)* „с женой“ (Ястремский, стр. 93, Падежные суффиксы, стр. 15).

В окончании -*lup* мы, вероятно, имеем формант -*l*, -*li* в соединении с окончанием инструктивного падежа -*p*, -*up*. Это же -*l* „с“ появляется и в адъективнообразующем окончании -*l-kaṅ* „с...,

оснащенный (чем-либо), снабженный“: тунг. asilkan „с женой, желатый“ (asi „жена“), ožalkan „с печатью“ (oža „печать“), hutelken, hutelkan „с ребенком, с детьми“ (hute „дитя“); ср. тюркск. atlyu „с именем, названный, поименованный, нареченный именем“. В составе окончания -lkan можно усмотреть суффикс прилагательного -kan (§ 99); однако в негативном ači (или at) ...-la „без-, без-, не-“ разложение окончания -la на -l- и на окончание разд. п. -a связано с большими трудностями: asi-l-kan „женатый“, at asil-a „неженатый“, hutelken „с детьми“, букв. „детный“, ači hutele „бездетный“, мн. ч. ačir hutele „бездетные“, ср. gcrbija ačip „безмянный, без имени“ с формантом разд. п. -a.

Рассматривавшееся до сих пор -li имеет значение „вместе с“, однако встречается также -li, несущее в себе скорее локализирующее значение „где (вблизи чего), где (вдоль чего), в каком направлении, каким путем“. Это -li с локализирующим значением мы встречаем, например, в кор. iŋi „сюда“; тунг. eli „сюда“; кор. čeri (сев.-кор. tjeri) „туда“; тунг. tali „туда“; монг., тунг., маньч. ali „где, какой, который“; гольд. hali „когда“; др.-тюркск., уйг. qali (qaly) „когда, где“; тунг. ili (< jeli) „каким путем“; монг. teli „так, тогда“, keli „как, когда“, jali ŋgei „маловажный“, букв. „никчемный“. Сюда же относится казах. arquly „через, транс-“ [seniŋ arquly „через (из-за) тебя“] < адъект. arqu „задний“³⁶, монг. aruki (то же), (= arudaki — то же). Окончание -li в этом значении следует, вероятно, сопоставить с тунгусским падежным суффиксом -li (-duli).

Во всяком случае несомненно, что тюркский герундий на -yalı соотносится с -li, передающим значение локальности: уйг. baŋalı „чтобы пойти (имеющий пойти)“, ölgäli „чтобы умереть (имеющий умереть)“, ärkäli „чтобы быть (имеющий быть)“, где это -li оказалось присоединенным к причастию будущего времени на -ga, -gai. Значение „куда, для чего“ отчетливо распознается в др.-тюркск. kiži öli qor ölgäli törümiz „люди-дети все рождены, чтобы умереть (смертны) = все люди рождены смертными“³⁷.

Путем присоединения окончания -li к глагольному имени на -g, -ig возникла старая глагольная форма на -gli: тюркск. bajyly, jatyly, käligli, ärigli [букв. „тот, имеющий пойти (долженствующий пойти); тот, что должен быть; тот, что с лежанием (долженствующий лежать); тот, что с приходением (долженствующий прийти)“]³⁸. Как уже объяснялось выше, от -yly в результате вторичного образования произошел суффикс -yly. Наряду с этими еще и ныне используемыми в качестве причастий (прош. вр. страд. зал.) образованиями на -yly; на более древнем этапе язык располагал также формой на -yma, -yma: др.-тюркск. baŋyma „идуший“, букв. „тот, что с хождением“, jatyma „лежащий“, köŋymä „видящий“, birigmä „дающий“ (il birigmä täŋti „небо, дающее нам царствие“), см. § 103.

Этот падеж принадлежит, видимо, к древнейшему достоянию алтайских языков. Он встречается во всех четырех группах. Фонетически он зачастую совпадает с родительным, и возможность этимологической связи между родительным и инструктивным падежами вполне допустима (ср. нем. nachts, flugs, einstens). Этот падеж используется при глаголе в различных наречных определениях.

1. *Тюркский*. Др.-тюркск. jadaŋ „пешеход“, jadaŋyn „пешком“, тат. jajaŋ, чув. šuga-n (то же); quš „зима“, qušyn „зимой, в зимнее время“, якут. kyhyn, чув. хэлэн (то же); тюркск. tün „ночь“, tünün „ночью“, tünün künün „день и ночь (днем и ночью)“; тюркск. atsyz „безмянный“, atsyzyn „безмянно, анонимно“; якут. soŋotoŋ „один, одинокий“, soŋotoŋyn (то же) (наречие „в одиночку, отдельно, обособленно“); тюркск. teji, tejin, букв. нем. sagends „говоря“; тюркск. saju, sajyn, sajun „считая“ (наречие); алт. sajun „каждый“; чув. -sən, -sən (окончание множественного числа в чувашском, собственно, нечто вроде „считая всех, всего“); тюркск. baŋur „пойдя“; алт. baŋur, baŋурап (? или baŋурун) (то же); тюркск. bilmäj „невежественный, неосведомленный“ (наречие-прилагательное), bilmäjin „невежественно, не ведая“; тюркск. bolur (причастие буд. вр.), тув. rolurun „будучи“ (наречие); ср.-тюркск. ärkän „ранний“; уйг. ärkänin „рано поутру“; ср.-тюркск. ädgülük „добро“, ädgülükün „добром, с добротой“.

2. *Монгольский*. В древнем монгольском этот падеж проявляется в герундии (Converbum coordinativum = деепричастие соподчинения) на -nyn, -ynyn: монг. bolurun „становясь, будучи“, ügüleriŋ „говоря, сказавши и...“; ср. дат. п. boluga „чтобы быть“, ügüleriŋ „чтобы сказать“. В современных монгольских диалектах этот падеж, однако, уже вышел из употребления, и, напротив, урянхайский (тувинский), например, сохранил по сегодняшнему дню падежное образование типа rolurun „становясь, стал и...“, käliŋin „пришел и...“ (Катапов, стр. 533)³⁹.

3. *Тунгусский*. В тунгусских языках и диалектах мы находим этот падеж в маньчжурском языке, где он имеет окончанием -i, фонетически совпадая, таким образом, с родительным: маньч. gala i žalaŋa „взял рукой“, ср. gala de žalaŋa „взял в руку“; sain „хороший“, saini „хорошо“; čiča „желание (охота)“, čičai „охотно, желая“ (наречие); монг. belen „готовый“, маньч. beleni „готово“; маньч. хилаŋа „читавший, прочитавший“, хилаŋаi „читая и читая“ (наречие), „после длительного чтения“ и т. п.

Захаров в своей „Грамматике маньчжурского языка“ не усматривает никакой разницы между инструментальным и родительным падежами. Деепричастное образование на -hai, относящееся к перфекту на -ha, он ввел как особую форму. Как в маньчжурском, так и в солонском этот падеж фонетически совпадает с родительным.

Из других тунгусских языков особо должен быть отмечен ламутский, в котором инструментальный падеж, имеющий в прочих случаях окончание -dī, -tī, -t, в словах на -п всегда получает в исходе -ń: лам. bajan „богатый“, bajan „богато, обильно, вдоволь“.

4. *Корейский*. В корейском языке этот падеж имеет окончание -i и связывается грамматиками с детерминированным именительным падежом на -i (Рамстедт, в Кор. Gr., 99). Тем не менее его адвербиальное значение выступает совершенно ясно: кор. tjs „образ, способ“, pā djsi „по-моему, так, как я“, pandasi „необходимо, неизбежно“ (pandas „неизбежность, принуждение“); karada „разговаривать“, karasida (то же), karada, karasida „говоря (наречие), со словами“; tam „стена“, tam makhietta „преграждено стеной“; mal „словом, в словах“; toni ssada „стоит денег, иметь ценность денег“; erjemphis „неясно, смутно“ (наречие), (erjemphis ha- „быть неясным“); ei „как, каким образом“ (< e-i, сев.-кор. we- „что“ в edai, сев.-кор. wedā, wede „где, в каком месте“), ai (= ae) „сначала, прежде“ (< *aŋ, монг. aŋan „начало“, тюркск. aŋilki „самый первый, первейший“) и т. п.

§ 14. Суффикс -ti, -di

К мысли о том, что это образование праязыковое, приводит явная идентичность его формы: др.-тюркск. -ti в ādgūti urγul „бей хорошо“ и тунг. -di в bākidi tarkaŋ „тяни крепко, тяни с силой“, др.-тюркск. -di в qatuγdu „трудно, тяжело“ (наречие); гольд., ольч. hurgidi „коротко (наречие), кратко (сказано)“, гольд. (Грубс) paloadi „молотом“. Эта падежная форма в тунгусском языке представляет собой обычный инструментальный падеж, проявляясь фонетически как -ži, -d'i, -di, -ti, -či, -t.

В гольдском языке от формы инструментального падежа имени ža, d'a > žea „сторона, направление“ (oči-žea, perχi-d'ie „север, северная сторона“; тунг. hergi-dē-du „нижняя сторона, низ“) образовался новый исходный падеж: očižeaži, perχi-d'ied'i „с севера сюда, со стороны севера“.

Ламутский язык, образующий инструментальный падеж с помощью -d'i, -t'i, -č, имеет от имен на -п инструментальный на -ń; остается неясным, следует ли возводить -ń к -ppi < -pdī или к -p-i (§ 13).

В монгольском это падежное образование неизвестно, но, быть может, его содержит в себе зарегистрированная в южномонгольском глагольная форма на -maži.

В тюркском мы имеем: койб. qajdi „как“ (ср. qajda „где“) ⁴⁰, idi < ? edī „так, таким образом“ (монг. e-pe „этот“), bīdi „в таком роде“ (bu „этот“, монг. mōn „этот, как раз“); др.-тюркск. idi joq „ни в каком роде“ (idi „в каком роде, каким образом“), amty „теперь“ (койб. am, amoq „тотчас“; уйг. ab am „хотя бы, если“; тунг. amakan „быстро, вскоре, сейчас“); якут. апу „сейчас, теперь“ (< amny < amdy); чаг. emti, emdi (то же); казах. endi „сейчас“.

(< emdi); уйг. ām наряду с am; ср. монг. amži-; халх., ордос. amži- „être à temps pour“ < am-di-.

Сюда же относится также отглагольное наречие на -ti, в отрицательном значении -mati: др.-тюркск., уйг. tükāti „выливая“, jüzāti „вплавь“ (töyla ögüzüg jüzāti kāsir, букв. „Тула-реку вплавь пересекая?“); уйг., др.-тюркск. qalmaty „неустанно, все“, букв. „не отставая“. Смешанной формой является, пожалуй, в уйгурском языке слово qalty „как, как бы“ < qaly; монг. -li в словах keli, teli и т. п.

В тюркском к суффиксу -ti очень рано присоединилось окончание инструктивного падежа -n; в результате образовалось новое окончание -tin, которое стало продуктивным, особенно в некоторых послеложных именах: тюркск. içtin „изнутри, с внутренней стороны“, taştyn „снаружи“ (ср. iç-gā „внутри“, taş-ra „снаружи“) и даже içirtin „изнутри“, taşyrtyn „снаружи“; тат. tøjmastēn „незаметно“ (наречие); тур. ilāri „вперед“ (< il-gārū), ilārdin „спереди“; уйг. kādin „сзади“, iltin „впереди“ и т. п. Употребления этого -n в аблативном значении можно проследить на примере карагаск. kajen (т. е. qajyn) „откуда“. Возникшее таким путем окончание -tin, которое имело адвербиальное значение, стало в вост.-тюркск., чаг., тар. обычной формой творительного падежа и в настоящее время вытесняет более древнее образование на -dan ⁴¹.

Первоначальное наречное употребление падежа на -ti, -di продолжает существовать только в якутском, где окончание его звучит ныне как -tyk, -tik (-tuk, -tük) и служит для образования наречий от прилагательных.

§ 15. Суффиксы -č, -ča и -čai. Уравнительный падеж (Causus Aequativus)

Суффикс -č встречается в словах: др.-тюркск. qač „сколько“, кор. pječ „сколько“. Возможно, что это -č представляет собой сокращенную форму от -ča, как это показывает чув. pāže, pānže „сколько“. Суффикс -ča хорошо известен именно в тюркских языках и диалектах в этом же значении; например: баг „что имеется, что есть, наличие“, багča „все“, оп „десять“, опča „все“ (ср. семасиологически яп. jū „десять“, jūbun „десять частей“ по китайской системе счисления, отсюда же и jūbun в значении „все, всё“). Сюда же, вероятно, относится и кор. hōn, сев.-кор. habun „один, единственный“, южно-кор. hōnča, сев.-кор. habundza „один-единственный“ и т. п., а также, быть может, монг. gagča „единственный“ (ср. тунг. gagda „один из двух“; гольд. gaksī „один из двух“). Дальнейшими примерами этого окончания являются: карагаск. řeše, çeše „сколько“ (исконное ječā); якут. tōšō, tōhō „сколько“; койбк. nemd'e „сколько“ (искон. jemāčā); др.-тюркск. bunča „столько же, сколько вот“, апča „столько же, сколько там“; койб. and'e; карагас. inčā, end'a „столько же“ и т. д.

От этого суффикса следует, вероятно, отличать формант монгольского исходного падежа -са, который уже на очень раннем этапе развития подвергся фонетическому изменению и дал -sa, а в бурятском, где он и по сей день служит окончанием исходного падежа, фонетически закономерно превратился в -ha: galhā „из огня“, gerhē „из дому, из дома“. В более древнем языке монгольской письменности имеется, например, tegünce „от того“, egünce „от этого“ (более позднее tünce, ünce, тоже по АФМ tünce „от того“), однако это -са присоединилось либо к окончанию дательного (-a), либо местного падежа (-du, -da) и тем самым создало сложное окончание исходного падежа -ača, позднее -āsa (южно-монг., халх., калм.), а также -dača (в Yüan-Čao-Pi-Ši).

Маньчжурское ci „от, из“ представляет собой дальнейший этап развития, более поздний вариант окончания монгольского исходного падежа -са. То же окончание -ci обнаруживается также и в тунгусских диалектах, где употребляется окончание исходного п. -gič, например: лам. awgič „откуда, с какой стороны“ (от прилагательного *law-gi), äwgič „с моей стороны, отсюда“ (от прилагательного äw-gi), ärgič „отсюда“, targič „оттуда“, bargič „с противоположной стороны“ и т. д. Здесь -č стало падежным окончанием при прилагательном на -gi, ср. awgila „с которой стороны“, äwgilä „с этой стороны“ (-la является окончанием локатива), aпарги „задний“, härgi „нижний“ (прилагательное), awgida „которая сторона“, ärgida „эта сторона“ (da в качестве аффирированного существительного), bargili „вдоль другой стороны, вдоль того берега“; однако же ныне -gič, так же как и -gida (баргуз. -gda), воспринимается как однородное окончание: dali (< dagali) „близкий“, dali-ič букв. „из близости“, dali-la „вблизи“. Ср. сол. ginč „вес одного гина (китайского фунта), весом с гин“ < *gin-čā.

Это монгольское -са заключается также в деепричастной форме на -magča, например: jabumagča „тут же при уходе, ушедши“, igemegče „тут же при появлении (войдя, тут же...)“; халх. ja-wəmtšə, igəmtšə и т. д. (ККМ, стр. 115). К этому же примыкает употребление суффикса -са в тюркском, в таких глагольных окончаниях, как -γунса, -duqса, -γанса, например: kälginčā, тур. gelinze „как только вошел (придя, тут же...)“; карагаск. kilgānsā „до прихода, пока не пришли; койбк. agargand'e ölerd'ek-rep „чем болеть, лучше мне умереть“.

От монгольского -са следует отличать монг. -čai, кор. -čhai, тюркск. -ča, чув. -ša со значением „величина, объем, вышина“, например: кор. čirčhai (-katta) „(выглядит) большой, как дом“; монг. ebüdügčege „до колен, по колено“, ашаčai „до рта“; калм. öwdöktsā, amtsā, tamγotsā „до тавра (у коня)“; др.-тюркск. тауča „с горы (высотой)“; казах. тауша; тур. дауča и т. д. В монгольском этот аффикс (халх. -ts'ā, калм. -tsā, бурят. -sā) широко применяется для словообразования со значением „какой вышины“ или „какой величины (считая от земли или от ступней ног)“. Наиболее вероятно, что оно происходит от корейского имени -čhai, которое

представляет собой имя на -i- от глагола čhada „быть полным, наполненным“ (фактив čhai-, čhai-i-, čhai-u- „наполнять“); монг. ča-d „насыщаться, наполняться“, от глагола, который тождествен по своему звучанию глаголу čhada „приставать, прилипать, арестовывать“ (фактив čhai-, čhai-u-, англ. to fasten in the stocks), откуда имя čhai „схватывание, хватание“; тюркск., чаг., тур. čat- „столкнуться, висеть, приставать“, čatyš- „зацепляться“.

Значение аффикса -čai, тюркск. -ča, ослабилось до положения признака сравнения: др.-тюркск. maγumunča bol „будьте такими, как (у) моего учителя“, букв. „учителямы“, ср.-тюркск. bu anuγča „это (таково же), как то“; карагаск. menša „как я“; койбк. a'č'e, atče „большой, как лошадь, ростом с лошадь“. В тюркских языках -ča употребляется ныне в качестве аффикса, образующего наречия: türkcä „как турки, на турецкий лад, по-турецки (язык)“; казах. tübšä „как верблюды, по-верблюжьи“.

§ 16. Суффикс -ski, -gsi, -si

Этот суффикс также должен быть упомянут в числе древних, так как он, вероятно, является первичным формантом, унаследованным из древних языков. Он встречается в тунгусском и монгольском, но в тюркском и корейском его обнаружить не удается; передает значение направления, например: монг. degegsi, калм. dēši (обычно с возвратным суффиксом: dēšän), маньч. desi, тунг. diski, disi, deisi, deisgi „кверху“; монг. doogsi, калм., бурят. dōši, маньч. dosi „книзу, вовнутрь“; маньч. žulesi, тунг. диалектное žulesi, žuleski, лам. d'ulaski „вперед“; халх., бурят. пāsi „сюда, в эту сторону“; халх., бурят. čāši „более отдаленно“; тунг. časki „дальше от...“ (тунг. прилагательное čagu, čagi „дальнейшее“), askitānē „во все стороны, куда бы то ни было“, aski (< *ha-ski) „куда“.

Следует ли толковать это окончание как исконное -ksi или -ski — установить невозможно, в особенности потому, что отсутствует возможность сравнений с тюркским и корейским языками.

§ 17. Возникновение новых падежных образований

Из числа падежей, появившихся в результате более позднего языкового развития, нами выше разбирались тунгусский винительный падеж на -ba и тюркский исходный на -dap. Относительно того, что местный падеж на -da следовало бы, возможно, связать с корейским словом taj, также выше говорилось. Можно склоняться также к выдвигению гипотезы об отождествлении древнего суффикса -ru с китайским словом *lu „путь, дорога“ [ср. китайско-корейское sju-ro, букв. „вода-путь (водным путем)“, „by water“, „by sea“]. Существует множество веских доказательств в пользу предположения о развитии в падежное окончание самостоятельного слова путем его энклитического употребления. Некоторыми из наиболее заслуживающих внимания новых падежных образований являются следующие.

§ 18. Инструментальный падеж в монгольском языке

Этот падеж имеет окончания: монгл. -bag, -gar, ijar; монгк. -ijar; н.-монг. -u'ar, -'ar, -ār⁴³. Следует заметить, что в установленном чтении этого окончания предпочтение отдается гласным переднего ряда: монгк. gažar ier и т. д. Удачную фонетическую параллель для его понимания мы находим в монг. возвратном суффиксе -ban, -gan, -ijan, в устной речи калм. -ān, халх., бурят. -ā, которому в тунгусском языке соответствует возвратный суффикс ед. ч. -wi „меня, тебя“, соотв. „себя самого“, мн. ч. -weŋ „нас, вас“, соотв. „самих себя“. История развития этого суффикса восходит к иеп „сам“, мн. ч. meŋ; дальнейшее фонетическое развитие дало вариант с гласными заднего ряда -nan, -nar, а звук -n- смягчился до -w-. Подобное же фонетическое развитие лежит в основании монгольского инструментального падежа, т. е. -bag, -gar, -ijar указывает на более древнее *war, а -ber, -ger, -ijer — на *weŋ, в свою очередь древнейшим из них является weŋ. Так как среди многочисленных значений монгольского инструментального падежа древнейшим скорее всего может быть значение направления „где“, „через что“, „вдоль чего“, напрашивается предположение, что это окончание является своеобразным развитием монгольского слова mōŋ „путь, след, средство, счастье“. При этом не следует забывать, что в тех случаях, когда -o- или -ō- оказывалось не в первом слоге, оно последовательно давало -a- и -e-.

Монгольское окончание -ār-, -ār- употреблялось также после числительных, например: gurbaŋ ijar, gurbār „три, три и три, по три, втроем“; калм. gurwādār и т. д. В этом значении и употреблении монгольский инструментальный падеж был заимствован многими северотюркскими диалектами, например: койб. birār „по одному“, ikilār (путем диссимиляции от *ikirār) „по два“, üçār „по три“ и т. д., причем у числительных, имеющих в окончании гласный (altu „шесть“, jedi „семь“), по аналогии с ikilār оказывается формант окончания -lar, -lār. Наряду с этим встречается также -šar; altyšar, jetišār, ikišār и т. д., которое возникло по аналогии с üçār, bešār. От этого -ar, -ār следует отличать -ngar, -ngār „по направлению к...“, древнее -garu (см. выше § 11), küngār baryben „я иду днем“ и койб. -sār, -sār (древнее syngar „половина, сторона“, кит.-кор. sāŋ, sjaŋ), например: койбк. taksār (карагаск. taksäry), bardy „он пошел к (по направлению) горе“⁴³.

§ 19. Тюркск. birlä „с“, чув. -ва

Древнетюркский и уйгурский языки знали слово birlä „вместе“, в котором окончание представляло собой, вероятно, -gā, и слово bir, обозначающее „один, раз“. В исторически более поздних языках это слово стало употребляться энклитически; в результате действия законов гармонии гласных оно, уподобляясь предшествующему слову, получало в окончании -n и др., что дало ряд

вариантов, например: казах. -byla, -nylan, -nylan, -nan и т. д.; тур. -yla, -ylan, -ilä, -ilän, -la, -lä; чув. -pala, -pələ, -pa, -pe. Турецкое -yla, -ilä, -la, -lä относят ныне к послелогам, тогда как чувашское -pala, -pələ, -pa, -pe считается падежным окончанием (напротив же, чувашское -pa после исходного падежа представляется не как <*birlä, а как сокращение от *bärü „сюда“: әпәтәпәвә „со вчерашнего дня“, шалбанва „с начала“), Казахский, как и ряд других языков, показывает на примере многочисленных вариантов, как это слово постепенно утратило свою самостоятельность (см. Катанов, стр. 750 —, а также табл. на стр. 720). Единичным среди языков явлением представляется караим. tanbyla (<taŋ birlä), ставшее именем („рассвет“), от которого бытуют и падежные формы: караим. tanbyla-da „на рассвете“⁴⁴.

§ 20. Тунг. -tiki

В тунгусской форме на -tiki, -tki мы имеем дальнейший пример становления нового падежа. В монгольском čike, čik (<tike ~ tik) „прямо, прямое направление“ встречается как самостоятельное имя, которому соответствуют в тюркск. tik, казах. tikä „прямой (стоячий), прямой (ровный)“, а в кор. (кит.-кор.) čik „прямой (стоячий), прямой (искренний), честность, прямой (ровный), направление“; это же имя употребляется в тунгусском в качестве окончания (существительным оно является еще в dolboni-tki „область тьмы в присподней“ и т. п.) со значением „по направлению к...“, „прямо к...“, например: tartiki „прямо туда“, irtiki „куда“, žūtiki „домой“ и т. д. В солонском языке, где господствует позднемонгольское развитие звука k > χ, это окончание приняло ныне форму -tχi, в негидальском -tiki, -tχi или (Тунг. сб., стр. 143), соотв. -tti, -tt'i, -čč'i, а в гольдском, где -ti дало -či, этот аффикс закономерно выступает в виде -či (<-čhi), например: сол. žūtixi, žūtχi „домой“; гольд. žogči (то же), pači „к земле“, paŋiči „к морю“. Маньч. -či (<-če <-ča) в качестве падежного окончания обозначает, как показано выше, „от... к (сюда)“, и к этому гольдскому -či (<čhi, χi) не имеет никакого отношения. Относительно гольдского творительного падежа на -žeaži, -žeadī, где мы имеем перед собой инструментальный на -ži (-di) от существительного žea „сторона, направление“, см. § 14 и § 128.

§ 21. Тунг. -kaki, -skakin

Окончанием, подлежащим сравнению с приведенным выше -tiki, является -kaki, -skakin, которое встречается со значением „куда, в каком направлении“ во многих тунгусских диалектах. В основе его лежит китайско-корейское слово kak „угол, край“. Однако начальный -s- совершенно не ясен и, должно быть, опирается на некое древнее корейское фонетическое развитие, например баргуз. ejō-kōki [<ejē-kēki; ejē „внизу“, чув. aj-al (то же)] „к югу, на

юг"; *tirgaskaki*, *tirgaskakin* (Василевич, Сл. I, стр. 200), *tirgakakin* (*tirga* „день, днем“) „юг, на юг“, *žulęskeki* (*žulele* „перед“) „вперед (кпереди), на восток“; баргуз. *tulisköki* „наружу“, *amaskaki* „назад“; тунг., негид. *žōtkaxi* „прямо домой“ (Тунг. сб., стр. 191). Может возникнуть вопрос, не является ли упоминавшееся выше, в § 16, *-ski* (~ *-gsi*) очень древним сокращением данного *-s-kaki*. То же самое *-kak-* есть и в тунг. *irkakin*, *irkekin* „новый, новолуние“ < „передний угол (вход)“; и. *žur*, и. *ilan* и т. д. „второй день“ (новолуния), третий день (новолуния)“ и т. д. Другое кит.-кор. слово как „каждый“ встречается в уйг. *künikaki* „каждый день, ежедневно“.

§ 22. Чув. *-alla*

В чувашском в качестве окончания, обозначающего направление („куда“), употребляется *-alla*, например: *kil* „дом“ (тунг. *gule*, якут. *külä*), *kile* „в доме“, *kilelle* „по направлению к дому“; *oara* „улей“, *oara* „в улье“, *oaraalla* „к улью“ (Ашмарин, стр. 129). Окончание *-alla* представляет собой не слившееся с дательным падежом *-lla*, а дательный падеж от слова *äl* „рука“ (тюркск. *äl*, *älig*)⁴⁵; в слове *kilelle*, букв. „к дом-руке“ мы имеем дательный падеж, а в словах на *-äl*, как например, *ajäl* „нижнее“, *maäl* „переднее, начало“, *šijäl* „верхнее, поверхность“, *kajäl* „заднее“ и т. п. (< **aj-äl*, **öj-äl*, **jäg-äl*, **kä-äl*) — именительный падеж древних сложносоставных слов, образованных с помощью *äl* и *älig* „рука“. Говоря о семантическом развитии этого окончания, ср., между прочим, финск. *käsin* в *sinne käsin* „туда“, *sieltä käsin* „оттуда“, *alta käsin* „снизу“ и т. д.

§ 23. Бурят. *-sō*

Бурятское „инессивное окончание“ *-sō* есть результат специфически монгольского хода развития монгольского слова **doča* „внутренность“ (ср. калм. *doča*)⁴⁶; так, например, *aguła-doča*, *ger-doča* „внутренность горы“, „внутри дома“, в результате фонетического развития превратилось в современное *ūlasō*, *gersō* „в горе“, „в доме“. Возникший таким путем аффикс и поныне не подчиняется законам гармонии гласных. От него приняты падежные образования, например: *gersōho* „из внутренней части дома“, *gersōyūr* „через внутреннюю часть дома, по всему дому“.

§ 24. Тат., казах. *-daj*, *-däj*

Встречающийся в западнотюркской группе языков аффикс *-daj*, *-däj* (*taudaj* „горé подобный, как гора“, *tüödäj* „как верблюд“) в языках восточнотюркской и северотюркской групп встречается как *-daj*, *-däg*, либо только как *-däg*, например: *qandeg* „как что, какого рода“; тув. *qastäg* (< *qaz täg*) „гусеподобно, как гуси“, *qojdäg* „овцеподобно, по-овечьи, как овца“ (Катапов, стр. 205—).

В уйгурском мы встречаем этот оборот еще в его первоначальной форме; так, „горé подобно, как гора“ передается там выражением *taŋ teg* или *taŋ tegmä*, где *teg* и *tegmä* представляют собой вполне закономерные производные от глагола *te-* „сказать“ и в данном случае имеют буквальное значение „так сказать“.

Историческое развитие привело к тому, что это *-daj*, *-däj* ныне стало равноценным падежному окончанию.

Приведенные выше в § 17—24 случаи возникновения новых падежеподобных образований отнюдь не исчерпываются. О них говорилось здесь только для того, чтобы продемонстрировать, что энклитическое употребление слов в этих языках является исходной ступенью для дальнейшего морфологического развития.

§ 25. Образование множественного числа

Употребление множественного числа. Еще с давних времен все алтайские языки пользовались для выражения логического понятия множественности формой единственного числа, при условии, что на множественное число указывало числительное или какой-либо иной показатель множественности. Там, где применяется оформленное множественное число, оно может быть также и показателем качественных различий, подразделения на группы, либо совокупности нескольких групп. Вопреки тому положению, которое существует в индоевропейских языках, в алтайских языках падежные и прочие подобные им окончания и для единственного, и для множественного числа всегда совершенно тождественны.

Древние формы образования множественного числа. Древнейшим образованием множественного числа в этих языках является, вероятно, монгольское образование на *-s* после основ на гласный и на *-t*, *-ut* или соответственно *-d*, *-ud* после основ на согласный. Примеры: *-s* в монг.: *emes* „жены“, *ekes* „матери“, *eges* „мужья“; монг. *udus* (Голстунский, I, 174) „яки, яки-быки“, ед. ч. *udu*, уйг. *ud*, алт., тел. *uj* „рогатый скот“; монг. *poçai* „собака“, *poças* „собаки“; др.-тюркск. *yšbara* „звание“, мн. ч. *yšbaras*; *-d* в монг.: *ken* „кто“, мн. ч. *ked* „кто такие, какие“; *qagan* „кахан“, мн. ч. *qagad*; монг. *darqan*, др.-тюркск. *tarqan* „заслуженный, благородие, превосходительство“, мн. ч. др.-тюркск. *tarqat*; др.-тюркск. *tigin* „принц“, мн. ч. *tigit*; монг. *tüšimel* „чиновник“, мн. ч. *tüšimed* (> тел. и т. д.); *gažar* „страна“, мн. ч. *gažad*. После всех согласных, за исключением *-n*, *-r* и *-l*, которые, как показано выше, перед суффиксом множественного числа *-d* выпадают, этот суффикс в сочетании с соединительным гласным превратился в *-ud*, например: монг. *bičig* „письмо“, мн. ч. *bičigüd*; *poš* „религия“, мн. ч. *pošud*; *ger* „дом“, мн. ч. *gerüd* и т. д. И здесь, как и во многих падежных окончаниях (род., вин., исходн.), гласный окончания на более позднем этапе развития языка становится долгим, и в качестве вставочного соединитель-

ного согласного появляется -п-; это дало в современных монгольских языках формы окончания -ūd, -nūd, которые обычно пишутся -nugud (-nügüd)⁴⁷. В тюркских языках древняя форма множественного числа на -t почти общепринята еще в среднетюркском, однако всем языкам более позднего происхождения, за исключением якутского, она неизвестна. Якутские формы множественного числа на -ttar с вариантами, как например, ägrättär „мужчины“ (мн. ч. от äg „мужчина“), uolattar „сыновья“, kyrgyttar „девушки“, восходят именно к -t-lar. Таким образом, от äg „мужчина“, ägän „мужественный“ имелось мн. ч. ägät, от oγul „сын“, oγlan — oγlat, а окончание -lar, о котором будет сказано ниже, было присоединено к этой форме позднее, когда одно древнее окончание -t перестало передавать представление множественности. Точно так же существует ныне большое разнообразие окончаний множественного числа в монгольском. Они возникли здесь по аналогии с простейшими окончаниями, либо путем редупликации их; примерами такого типа окончания могут служить -d-ūd, -s-ūd, -d-par, -d-par-ūd, -d-nūd; бурят. -pad (мн. ч. от -par).

В тунгусском, в качестве древнего показателя множественного числа, мы находим -l после основ на гласный, -il после основ на согласный, а также -r после основ на -п. Фонетически возможна замена древнего -d звуком -r; переход же -r- в -l- — явление довольно частое, в особенности для тунгусского языка. Поэтому возможно связать эти формы образования множественного числа в тунгусском с монг.-ср.-тюркск. множественным на -d. Однако историческое развитие показателя множественного числа прослеживается недостаточно ясно. Возможно, что -l, как признак множественности, может быть поставлен по своей идее в тот же логический ряд, что и -l' (-li), являющийся падежным окончанием со значением „с (вместе)“ [asil-kan „с женой“, at asil-a „не с женой“ (a- признак разд. п.)]. Ср. негид. (Тунг. сб., стр. 146) ömön atıxan yuteçi-l „старуха с ребенком“, где yuteçi следовало бы ожидать без -l.

§ 26. Множественное число на -п в монгольском языке

В древнейших памятниках монгольской письменности имена на -i, -ai, -ui имеют часто во множественном числе окончание -ip, -ap, -up:

а) монг. jorčiqu-n jabuqu-n elči-n „курьеры, едущие туда и обратно“; монгНГ. čerbi-n-i tende kü tūsibe „он назначил там именно адъютантов“, čisutu tonog tongči-n „добытки окровавленной одежды врага“; б) монгНГ. poqan-u dao'un „голос собаки“ (< poqai), möt qulaqan „те разбойники“ (< qulaqai); сюда же относится, вероятно, и форма мн. ч. суффикса -tu ~ -tai (= tu + то же адъективное -ai, которое употребляется после суффикса родительного падежа, ср. монгНГ. kenü ei ba ja'unu'ai „чей муж и из какого народа“), например: amin „жизнь“, amitu ~ amitai „живой“, amitan

„живые существа“, morin „конь“, moritu ~ moritai „всадник“, moritan „всадники“, ср., однако, ниже; в) монгК. jorčiqu-n jabuqu-n elčin „курьеры, едущие туда и обратно“ (< jorči-qui и jabu-qui); монгНГ. üge'ün duta'un „бедняки и нищие“ (< üge'üi и duta'ui). Из живых диалектов, кажется, только ордосский сохранил -п в качестве суффикса множественного числа: (Mostaert Ordosica, стр. 40) Gaḡan „Свины“ (в качестве названия клана) восходит к gaḡä (< gaḡai „свинья“), Gortč'in „Колчаноносцы“ как родовое имя (< Qorč'in, ср. монгНГ.) к qorči „колчаноносец“⁴⁸.

§ 27. Тунг., монг. -tap ~ -ten, маньч. -ta ~ -te

Тунгусский имеет для множественного числа аффикс -tap ~ -ten, в родительном падеже -teni ~ -tni: nuḡar-tap „те, они“ < „их особь“, aknił-ten, aknił-tni „их старшие братья“. Обычно он присоединяется к причастным формам, используемым в качестве изъявительного наклонения, для выражения 3 л. мн. ч.: gačatin „они брали“, gaḡanatin „они будут брать“. Он употребляется также, особенно в родительном падеже, как притяжательный суффикс 3 л. мн. ч. во всех тунгусских диалектах: jajan-teni „их шаманов“, ogor-tin „их оленей“. Это же окончание обнаруживается также в маньчжурском в виде суффикса мн. ч. -ta ~ -te, причем, -te < * -ten, вероятно, представляет собой более древний вариант. Монгольская форма суффикса -tap (moritan и т. д., ср. выше) в некоторых случаях, быть может, является тем же тунг.-маньч. -tap (ср. написание -tu-tap в монгНГ.). Она употребляется также в некоторых формах учтивости: lama-tap-dur „ламе“, как синоним выражения lama-žerge-lur (žerge „ранг, звание“). В древнейшем корейском, в качестве суффикса мн. ч., тоже встречается некое -ten (по Маема), а потому не исключено, что мы здесь имеем дело с исконным кит.-кор. словом tɨŋ, tɨŋ „группа, класс, звание“ (кит. 'təŋ „sort, class, rank и т. п.“, Karlgren, Anal. Dict., № 811).

§ 28. Монг. -nar, тюркск. -lar

В монгольском языке существовало имя *nar „совокупность“, которое еще встречается и в якутском, в виде nar „вместе с, совместность“, а в гольдском записано как lagi „рядом, у, вместе“ (Грубе, стр. 57). Пекарский пытался связать якутское существительное nar с монг. nar „гармония“ (Пекарский, стр. 1680), однако тогда следовало бы ожидать в якут. *nar и соответственно *nar. В монг.-тюркск. праязыке это имя уже на очень раннем этапе развития являлось конечным членом в составных именах, особенно там, где речь шла об одушевленных лицах, например: aqa nar ~ aqa-nar „старшие братья“, de'ü nar ~ degüner „младшие братья“, ekenar „матери, женщины“ и т. д. Этот -nar (с возникшим позднее вариантом -ner) обозначает в монгольском группу или класс лиц.

При перечислении имен, даже и в новомонгольском, зачастую к последнему из них присоединяется *-nar*, *-ner* в значении „все вместе взятые“ (*et consortes*). К древнему имени **nar* „совокупность, совместность“ относится в калмыкском языке произведенное от него прилагательное *narmai* „в целом, весь“, например: *narmai ulus* „государство в целом“, *narmai putug* „вся родина“, а также и оборот *nar ugē* „без повторения, раз навсегда, полностью“ (см. *Kalm Wb.*, стр. 272).

Этот монгольский *-nar*, *-ner* появляется уже в др.-тюркск. в виде *-lar*, *-lär*⁴⁹ и применяется там также только к одушевленным лицам, например: *bäg* „князь, бек“, мн. ч. *bäglär*. Но в языках более позднего происхождения он повсюду (за исключением, однако, чувашского) был обобщен в качестве окончания мн. ч. всех имен: *at* „конь“, мн. ч. *atlar* > алт., тел. *attar*; *taγ*, тат. *tau* „гора“, мн. ч. *taγlar*, тат. *taular*, казах. *taudar*; *kim* „кто“, мн. ч. *kimlär*, казах. *kimdär*, кумык. *kimnär*; *nä* „что“, мн. ч. *nälär*; *nämä* „что либо, нечто“, мн. ч. *nämälär* и т. д. То обстоятельство, что в тур. зачастую и после гласных заднего ряда слышится *-lär*, обосновывается, по-моему, воздействием звука *l* (ср. *eima* < *alma* „яблоко“).

В якутском ед. ч. *är* „мужчина“ соответствует мн. ч. *ärättär* от *ärät-lär* (см. выше § 25). Якутский падеж совместности на *-lary* (Ястремский, стр. 60) представляет собой не что иное, как мн. ч. вин. п. того же *-lar*: *žiätin süösüläri atylata* „он продал свой дом вместе со скотом“, и полностью соответствует гольд. *-lari*.

§ 29. Тунг. *-sal*, *-sel*, манч. *-sa*, *-se*

Таким же образом и тунгусское множественное число (точнее — образование, обозначающее коллективность) на *-sal*, *-sel* (диалектное *-šal*, *šel*, *-hal*, *-hel*; сол. *-shl*; маньч. *-sa*, *-se*) должно быть возведено к самостоятельному слову, искоемому **sel* „все вместе“, древним производным от которого является монгольское *selte* „вместе с, наряду с, с“ (монгНГ. *bari as selte* „вместе с оковами“), „как и“ (калм. *γarγ sarγ seltig* „как ламы, так и клирики“), „вместе взятые“. Из древнеманьчжурского явствует, что исконным гласным звуком являлся *-e*: *wang se* „короли“, позднее *wang sa*. Так же, как *-lar*, *lär* в тюркском, *-sal*, *-sel* в тунгусском вытеснило более древние формы образования множественного числа: тунг. *kān* „государь, хан“, мн. ч. *kāsai* (соотв. *kāhal*, *kāsal*) или, реже, *kānil*, но уже более не *kar*; сол. *γarγaswl* „куры“ (< *γarγirā* „куриное кудахтанье“, монг. *qat-kira*).

§ 30. Тунг. (по Кастрэнэ) *-nasal*, *-naḥal*

Кастрэн упоминает, что в исследованных им диалектах множественное число слов, выражающих какие-либо родственные отно-

шения, образуется посредством *-nasal*, *-naḥal*: ака „старший брат“, мн. ч. *akanasal*; *ugi* „жена старшего брата“, мн. ч. *ugināsāl* (ср. др.-тюркск. *ög* „мать, тетка“, *ögsiz* „сирота, без матери“). В основании этого *-na-*, *-nä-* лежит слово *nai*, кор. *nai*; гольд., ольч. *pai* „человек“; маньч. *njal-ta* „человек“ (первоначально **nail-ta* „человеческий“); тунг. *-ni* (*tatiga-t* „обучение“, *tatigam-ni* „учитель“). Это *nai* появляется также и в корейском (теперешнее *-ne*), как своего рода примета множественного числа, например: *pu-to* букв. „отец-мать, родители“, *puḥone* букв. „отец-мать-люди“; *saram* „человек, люди“, мн. ч. *saramne*, *saramdül*, *saramnedül*, *saramdülle* (*-dülle* < *-dül-ne*).

Диалекты, лежащие за пределами области исследований Кастрэнэ, образуют множественное число, например, следующим образом: *aki* „старший брат“ (~*akini akni*), мн. ч. *aknil*, т. е. *aki-ni-l* „(старшие) братья-персоны“, *äki*, мн. ч. *äknil* „матери“. Здесь *-ni* = кор. *nim* „персона“ (с оттенком почтительности), например: *hānapiḥ* „бог“ (*hānal* „небо“), *son-nim* „гость“ (*son* „гость“) (см. *SKE*, стр. 167).

§ 31. Чув. *-sam*, *-səm*, *-zam*, *-zəm*

В чувашском языке множественное число образуется при помощи окончания *-sam*, *-səm*, в зап.-чув. *-zəm*. Заслуживает внимания, что падежные образования от данного номинатива с полной достоверностью указывают на то, что исконным конечным согласным являлся **-n* (*-san*, *-sən* или даже *-saiḥ*, *-səḥ*), исконным же гласным был *-e*, а не *-a*. Это чув. *-səm* представляет собой более древнее тюркск. *sajun*, которое во многих тюркских языках употребляется в значении „каждый“⁵⁰; *kün sajun* „каждый день“, *kiši sajun*, *kiši saju* „каждый человек“, якут. *kün aju*, *kihi aju*. В форме *saju* мы имеем герундий от тюркск. глагола *sa-*, *saj-* „считать“, ср. монг. *edür togalan* „считая дни, все дни“. Форма *sajun* представляет собой либо герундий *saju* с окончанием инструктивного падежа *-n*, либо же *sajun* „сосчитанный, подсчитанный“ является причастной формой на *-n*.

Хотя это и не доказано, однако можно с уверенностью предполагать, что в чувашском некогда в качестве показателя множественного числа употреблялось еще **böläk* > **wläk*. В диалектах марийского языка еще и сейчас для обозначения множественного числа употребляется именно *-wläk*, *-wläk* (а также *-wla*, *-wlä*), причем следует отметить, что *-wläk* в диалектном употреблении встречается и без варианта с гласным заднего ряда. Оно восходит к древнему, весьма любопытному тюркскому слову *böläk* (тур. *bölük* „рота“, монг. *böleg*, *bölüg* „группа, отряд, орда, отделение, глава (в книге)“, которое, между прочим, согласно китайским источникам, обозначало племена или отряды гуннов; др.-кит. *bulak*, кит.-кор. *purak*, кит.-яп. *buaku* „дивизия, отряд“ (< кит. **pu* „часть“, **lak* „распадаться“)⁵¹.

§ 32. Кор. -tjil (-tej, -ter)

Употребляемое в корейском языке как признак множественного числа кит.-кор. -tjil, сев.-кор. -tjir, -ter еще поныне бытует и как самостоятельное слово. Кор. -nedjil и -dille, которые присоединяются к словам, обозначающим одушевленных лиц, представляют собой сложносоставные образования: saramdijl, saramdille, saramnedjil „(все) люди“. Негид. образования мн. ч. amtjil „отцы“, entjil „матери“ возникли, вероятно, по образцу корейских.

Пожалуй, возможно отождествить это tjil < *tür с тюркским *tür „сорт, род“, *türlüg „разнородный, различных сортов“ (тат. төрлө, төрлә „различные“)⁵².

§ 33. Грамматический род

В монг. čağān ~ ж. р. čağakčün „белый“; тунг. bajan, ж. р. baj-aksin „богатый“ усматривают приближение к грамматическому обозначению рода⁵³. Окончание это, пожалуй, то же самое -čün ~ -žün, которое имеется в монг. ит. иҗаҗаі, ж. р. ит. иҗаҗаҗаі; монгол, ж. р. монголжүн; ја'и „что он за...“, ја'ижүн „что она за...“; богжүн „утка“; мекежүн „свинья (матка)“.

Однако более принято пользоваться для обозначения женского рода уменьшительной формой имени: kei „сын, мальчик“, keiken „дочь, девочка“; teŋgri „император“, teŋgriken „императрица“; pojaŋ „князь, господин“, pojaŋaŋ „княгиня, госпожа“. Уменьшительная форма должна восприниматься здесь как ласкательная форма, так как keiken, pojaŋaŋ (калм.) обозначает также „(маленький, или юный) принц“.

В тюркском тоже имеется täŋgrikan (уйг.) „императрица“ и т. д., однако чаще в качестве формы женского рода применяется уменьшительное на -čai > -ča (Räsänen, FUP, 23, стр. 105). Безусловнее в качестве особого суффикса женского рода окончание -un, -im: täŋgriun „императрица“, qanun „ханум, жена хана“, tarun от taran, а также *erim „жена“ > чув. arim (истолкованием М. Рясненна, JSFOu, 50:7, стр. 5, против толкования Г. Паасонена: arim < араб. hareṃ). Окончание -un, -im сближается, возможно, с монг. em-e „женщина“ (чув. amša) или с кит.-кор. (монгол) imo „жена, госпожа“.

В тунг. -imni (напр. ewenki „тунгус“, ewenkimni) я усматриваю связанное с кор. in'epar-ri „падчерица“ некое *mine- (ср. miŋe-p- < *miŋe-ge-p-?) „пойти к жене, жениться“. Встречающееся иногда в том же значении окончание -gin (напр. kēmi, ж. р. kēmigün; kima, ж. р. kimāgin) представляет собой, пожалуй, то же самое -gin (мн. ч. -gir, негид. -jil), которое в тунгусских родовых или фамильных именах является вполне обычным: kundogir (= kondagir), samagir, pokagir, čukčagir и т. д. В это окончание как будто вклинилось кит.-кор. weŋ (= яп. in) „член“, например, кит.-кор. hoi-weŋ, яп. kwai-in „член какого-либо общества“.

§ 34. Вокативная (звательная) основа наименований родственных отношений

В различных алтайских языках наименования родственных отношений знают некую основную форму на -i, имеющую ласкательный характер; она относится, по-видимому, к древнейшему, общему для данной группы языковому достоянию⁵⁴. Эта вокативная форма может в свою очередь служить основой для дальнейших производных образований, например: тюркск. änä „мать“, зват. п. änäi, äni; aqa, aŋa „старший брат“, казах. aqai, äkei. Уйг. idi „хозяин дома“, но тат. и др. ija (< *idä, *edä) „господин“; ini „младший брат“ (от неупотреб. inä inijä?). Чув. aqa, akka (монг. eke) „мать“, зват. п. aŋi „моя мать, мама“; ana, aŋiŋe „тетя“, зват. п. aŋi; aŋi „дядя“ (тюркск. äc, äci; др.-тюркск. äcim „мой дядя, мой отец“; монг. eŋege „отец“; кор. eŋ-abi „дядя“); at'te „отец“, зват. п. adi „папа“, впрочем, at в тюркском чаще всего обозначает „сына сын, внук“ (употребительно). Однако это значение — результат более позднего семантического развития, точно так же, как в немецком языке Enkel „внук“ было произведено как уменьшительное от Ahn „предок“. Соответственное монгольское aŋi (< ati) встречается только в значении „внук“⁵⁵. Ашмарин в своей грамматике чувашского языка отмечает, что к такого рода формам слов на -i никогда не присоединяется притяжательный суффикс, поскольку этот -i уже сам имеет значение „мой, наш, собственный“. Монг. aqa „старший брат“, зват. п. aqai ~ aqä; ekei „мать“. Тунг. aka ~ aki „старший брат“, eme ~ emi „мать“, eke ~ eki „старшая сестра, тетка“ (монг. ege-či, тюркск. äkäč), ede ~ edi „хозяин дома, супруг“, aŋi „хозяйка дома, супруга“ (мн. ч. asal „супруги, жены“, asat-kan „девушка, девочка“ от уменьшительного asa-č-), pul-gi „хозяйка дома, хозяйка (трактира)“, ср. кор. nilgin „пожилой“ (nilk-ta „быть старым“). Кор. aba-nim, aba-ni „отец“, eme-nim, eme-ni „мать“, äbi „папа“, emi „мама“; также ei „мать, тетка“ < emi (ср. тунг. emi, но якут. inä, ija).